

Владимир Иванов

Сейчас Ты Есть

Записки деревенского
модника

Владимир Иванов

**СейЧАСТЬЕсть. Записки
деревенского модника**

«Издательские решения»

Иванов В.

СейЧАСТыЕсть. Записки деревенского модника /
В. Иванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859543-1

Живя будущим, мы открещиваемся от настоящего, пока
не оказываемся в настоящем без будущего. Каждый сумасшедший
имеет право опубликовать свои записки, если нашел своё
СейЧАСТыЕсть и не пропало желание посмеяться над тем, кем
ты стал.

ISBN 978-5-44-859543-1

© Иванов В.
© Издательские решения

Содержание

О творчестве, моде и её творцах	8
Э? Мы – це квадрат!	9
Искусство искушать искусом	10
Статусное	12
О пользе шлепка	13
Одномандатный депутат	14
Главная тайна эволюции	15
Хмурое утро	16
Про рой. От существительных к глаголам	17
Шоу на граблях	18
Райский компот	19
Тоскливая доска	20
Иван в объятьях жабы за полцарства	21
О Зевсе и бычках	22
Игрушки мужчины кризисного возраста	24
Мифические Арии? На первый – второй?	25
А-пока-лип-сис. Апокалиптическое	26
Подснежник из берлоги	27
Секс или кекс	28
Хроника хроника	29
Нелепый снег	30
Новое слово о главном	31
Змей, дракон и мартышка	32
Худая рука барина – всему владыка	33
Цифровые страсти	34
Навеянное весной	35
Псиная примерность	36
О потерянном советском паспорте	37
Эпитафия иконе стиля	38
Обезжиривая постное	40
Рыжий закат красного рассвета	41
Остров, тонущий в разврате	42
Фруктовое танго	43
Ошибочная икра	44
О вероятной частоте покраснений	45
Страховой случай с гормональным всплеском	46
Правила хорошего тона. Шут, огорошенный принцессами	47
Достаточное осточертевшей музе	48
Таланту и поклонницам	50
Проблема с любить ушами	51
Политкорректность в причинных местах	52
Бесовщине	53
Французский поцелуй к чиху из ящика Пандоры	54
Каббала девственного неистовства	55
К перемене божьих даров на яичницу	56
Бесамимучим на МКАДе, или рассосётся. Попурри	57

Ни свечка, ни кочерга	59
От двух до пяти условно	60
Случайная зарисовка на стене берлоги	61
Пристань загулявшего поэта	62
Триумф женской нетерпимости	63
Ангел и демон	64
О мучительной правде	65
Свиданье с музой	66
Балда и госпожа	67
Астрологический прогноз тропику Рака	68
Хамамная байка	69
На исповедь проволочившейся содержанки	70
Новые сказки о главном	71
Стартапёрам старпёрское	72
Доступная среда в объятиях Кондратия	73
Арифметическая плясовая	74
На войны и мiры некрофилов	75
Не байка о рыбалке	76
Любовный потоп	77
О противлении злу безделием	78
Любовный треугольник	79
Золотая осень	80
Сказ о денежном древе	81
Чеховскому фестивалю цветов в городе Истра	82
Система качества	83
Тётя может	84
Неприкасаемые отличники	85
Средство от волнорезвости	86
Обычная миссионерская позиция	87
Крепитесь, или Стенания русского палестинца	88
В поисках истины	89
Хохлома и хохланд	90
Утренний звон, немало дум наводит он...	92
Одна детская лошадиная сила	93
Цвет папоротника, или Споры о спорах	94
Каменный пряник	95
Кофе без обязательств	96
Искусство сопереживания	97
О хронических заболеваниях третьего глаза	98
Пирату Джеку Воробушку, Рыцарю пыльного образа	99
О вздоре молотого перца	100
Реквием по сухоцветам иллюзорного гербария	101
О добре, зле и дребедени	102
Драма с охотой	104
Золотая осень под туманностью Андромеды	105
Автомат и мартышки	106
Кудесность метаморфоз со спермой морских ежей	107
Недолюбленные природой	108
О случайных взаимодействиях точек цы	109

О взаимодействиях противоположностей в точках цы	110
Промежности пространства и времени	111
Мерим любовь шагами	112
О правильном делении одиноких клеток	113
Билет в один конец без багажа	114
Тайна улыбки с картины, или Зачем звезде рукав	116
Противоестественные кошки-мышки	118
Сказ о Герде и неприкаянном Кае	119
Песенка старого коня	120
Короткое свидание с музой	121
О любви чёрного барина к белой овечке	122
Сон парного шелкопряда	123
Утро по Крылову	124
Диалог любящих сердец	125
Мир и его радости	126
Дюжина	127
Аборигенская шутка	129
Купание пожилого коня	131
Белый квадрат углём	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

СейЧАСТЫЕсть

Записки деревенского модника

Владимир Иванов

© Владимир Иванов, 2017

ISBN 978-5-4485-9543-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О творчестве, моде и её творцах

Любовь и ненависть вполне способны ужиться друг с другом, но рамки ненависти слишком узки, чтобы удержать силу бесконечной любви.

А если научиться рисовать деньги из воздуха, достигнутая цель оправдывает средства, истраченные на краски.

Что первично? Курица или яйцо, или жизнь прекрасна и на фабричном конвейере?

Итог следования течениям моды в обществе массового потребления показывает, что в любом случае становишься похож на выпускника инкубатора.

Мэтры из сезона в сезон, подобно опытным зебрам, провоцируют дискуссию о вечном – о правилах рисовать белые полосы на чёрном квадратном, или чёрные на белом и делать при этом удивлённые круглые глаза. А кто-то философски предпочитает рвать и метать.

Хотя и случаются отдельные праздники фанклубов, когда раскрашенные яйца соревнуются в крутизне собственной сваренности, лёгким постукиванием друг о друга, а щипаные курочки всем своим видом показывают, что созданы для неспешной обжарки. Конвейер жизни не остановить.

Лучи света в тёмном царстве, ангелы и бесы – кто они? А может, бесы – это и есть мы собственными персонами, как писал один великий поэт? Друг дружку воспитываем, а сами даже работу отопления в своём Эдеме наладить не можем, то жарко, то холодно, то сера кипит и сажей валит. Хотя с лозунгами на пробежку выходим обязательно с богом.

Балды? Беснуемся? Наплевать на ангелов, если есть и хуже нас, только черти и мракобесы, перешедшие за черту света?

Почему способных творить чаще окружают люди, неспособные даже толком украсть? Для одних мир моды как испытательная ракета, забрасывающая в одиночный полет в безвоздушное пространство, где очень тесно, порой неудобно, где-то что-то постоянно жмёт, трёт и может подвести техника, кто-то оказывается в скоростном лифте, мчащемся на высоту с удвоенной скоростью, но больше четырёх не собираться и ограничения по массе, а кому-то достаётся комфортный грузопассажирский лифт, неспешно поднимающий этаж за этажом, со всем незатейливым скарбом его вселенной... Ну, что ж... и милосердие перестало стучаться в их сердцах... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... статусный вопрос только испортил их... Хотя если их ничего нет начнёт делиться со всем по совести, то будет всё...

Э? Мы – це квадрат!

Знаменитое уравнение Эйнштейна $E=mc^2$ раньше всех зарисовал в пиктограмму простой украинский художник Казимир Северинович Малевич. Э-х, мы – це квадрат, а какие мы, такой у нас и квадрат – восстанавливая по памяти выключенный телевизор из вещей снов о будущем белых негров, орудующих во тьме своих пещер.

Итальянец Фонтана уже позже свои квадраты изрезал вдоль и поперёк в поисках решения уравнения, но оба так и не узрели до конца человеческую суть, разглядывая её лишь с разных сторон и предполагая в ней куб. Неправы были те кубисты, с большей вероятностью, мы – это цилиндр. Но это только тому, кто всегда сверху, всегда было видней, что мы цилиндры, хотя немногие из нас догадывались об этом по отражениям и световым бликам.

Говорят, что Время – это песок. Жизнь – это вода. Слова – это ветер... И что следует быть осторожнее с этими компонентами, чтобы не получилась грязь.

Хотя, если добавить немного огня, и из грязи может получиться великолепный прочный сосуд, и на первое место выходит уже, что или кто окажется внутри сосуда. Правда, для мироздания безразлично, что делают сосуды, или черпают свет и несут его во тьму, или зачерпывают тьму и извлекают её на свет. Это должно волновать больше их самих.

И когда мотыльки, летя на свет, сгорают в пламени свечи, то фотоны, летя в сторону тьмы без страха, несут, подобно Прометею, в неё тепло и свет. И даже если ты яблочко, успеи, падая, бахнуть своего Ньютона по башке, так как всякому молодильному яблочку свой срок и предназначение, провертись на яблоньке у зеркала, сверх положенного природой времени, вдруг глядь – что, даже жопкой уже сморщилось, а рыльце и вовсе треснуло.

Создавая свою реальность, творцы часто ограничивают её с помощью рамок, чтобы сильней подчеркнуть все богатство созданной реальности. Самый лучший цвет может получиться, если смешать всё богатство красок мира, и, когда они смешиваются, неожиданно оказывается, что получилась чёрная, хотя, вспоминая школьные опыты Ньютона с призмой, ожидаешь белую.

Начинаем рисовать, и выходит, то большой чёрный квадрат, то маленькое чёрное платье. Так это, может, и есть те обычные рамки, которыми художники просто хотели подчеркнуть все богатства своей реальности, ведь только так она оказывается за рамкой в пределах настоящего, замыкая нас в своём измерение?

И если краткость – сестра таланта, то самое гениальное литературное произведение будет выглядеть жирной чёрной точкой? Или стихотворение в виде изящной точки. И может, что создатель просто ограничил рамки нашего безконечного Мира тем, что изда- лека напоминает чёрную дыру, или так мы видим горлышко бутылки Клейна из которой духу так трудно найти выход?

Искусство искушать искусом

Деградирующий человек становится похожим на бандерлога и реагирует на два основных звука – падающего ореха и щелчок кнута. Искусство один из способов вернуть примата из каменных ждунглей к закону джунглей о единстве крови и общей живой истине.

А если современники разучились разгадывать всяческие ребусы и манипуляции с яйцами, то это не вина художников, а от косности взглядов и прямолинейности мозговых извилин.

И этот квадрат – великое произведение и великая мистификация, родившаяся одновременно с теорией общей относительности.

А современные художники бывают весьма ограничены в наборе изобразительных средств, хотя и их выкрутасы могут оказаться затейливее многих парадных портретов различных человеческих отбросов.

Основа мира тёмная материя – к такому выводу приходят учёные...

Основа жизни в нашем мире углерод, нет пока более тёмной материи, которую мы можем различить. Мы начинаем знакомство с ней в виде графитовых карандашей и кусочков антрацита, сгорающих в печи, и заканчиваем горсточкой пепла или праха. На сегодня, правда, уже разглядели способность углерода образовывать структуры, способные, как губка, впитывать в себя окружающую материю и приобретать её свойства, оставаясь при этом, просто кристаллическим каркасом.

Хотя ещё древние восхищались способностью этой тёмной материи вбирать в себя свет и становиться подобной ему и, после того как отбрасывалось всё лишнее, сиять всеми цветами радуги. Алмазы, бриллианты, самоцветы – лучшие друзья девушек? Нет, лучшие друзья это девушки-самоцветы.

Эффект маленького чёрного? В каждом чёрном коте живёт что-то от булгаковского Бегемота? Сразу не поймёшь, он спиной или на своих двух?

– Позвольте пришвартоваться?

И только перешив пупок ко лбу и художественно отвернув голову мы его раскрыли. Ходит по деревне, примусы всем починяет. Быть вечной безликой плоской тенью?

– Побесамимяучим? Бесами, бесами мучим... – как сказал в своё время Иероним Карл Фридрих подразумевая, что каждый осознавший себя дважды рождённым, может легко быть сказочником или ясновидящим, но предпочтёт суе работу с садом, так как может оказаться слишком раним для ежедневных подвигов. Да и больше одного подвига в день не свершать!

Правда, есть художники, которые помнят, что достоинства картины подчёркивает обычная рама, которая как выпуклая или вогнутая линза изменяет вокруг себя пространства и не важно, что вызовет головокружение, чёрный квадрат или белая полусфера, и когда головокружение проходит, ты понимаешь, что самое важное в том образе, запавшем в память, не сама рама.

Хотя порой и платья случаются как картинки. А хочется найти немного счастья, так что далеко за ним ходить, если СейЧАСТЫЕсть? Чтобы попробовать превратить один день в праздник, нужно немного потрудиться. Превратить в праздник жизнь – следует потрудиться немного больше.

Через вычитание препятствий – к умножению тел. И с взаимосвязи художника и критика, думается, что она подобна горному эху. Легче всего сказать об увиденном, мол, хреновина. Но в любой критике всегда встречаются нюансы, как рассказывал Василий Иванович о них как-то Петьке. И на первое место выходит понимание, насколько близка и понятна всем символика автора. Пусть то, что видишь, это всего-навсего смешная безделица, но в конечном итоге это может оказаться чьей-то антикварной перечницей.

И из механизмов взаимодействия Нави, и Яви. Где не важно как, важно зачем, а когда, увлекаясь контролем за пространством, ведуньи теряют контроль над временем, то могут повторить судьбу Яги-Бабы.

А от седины в бороду, если не припрячешь своего бесёнка в ребре, растут неразрешимые проблемы с имиджем, когда сбиваешь бороду, то ещё принимают за жениха, а отпустишь – уже только за спонсора.

Р. S. И о мраке в конце тоннеля, стало модным явлением времени – затемнять потёмки чужих душ мраком собственной темноты и неопределённости

Статусное

Поэтом мог приличным стать,
Публичных женщин забавлять,
Пить и вкушать по воле пуза,
Да не велит того родная муза.

В круговороте статусов друзей,
Казалось, что с врагами веселей,
Тоскливый пафос жизни личной.
– Ем, сплю, про сиськи – неприлично.

Жизнь, скажем, что человеку удалась,
Когда друзья не плачут без морковки,
Во снах приходят музы, но не в соболях.
А враг никак не подберёт себе кроссовки.

О пользе шлепка

Прекрасны наши женщины силой во сто крат,
С тяжёлой русой косой от макушки и до пят,
Им груди чтоб вздымалась вслед за синью глаз,
Упругость ягодиц простимулируй каждый раз.

Заплывши жиром, ягодицы чтоб не стали жопой,
Проходишь мимо, хоть слегка рукой похлопай.
Пусть феминистки негодуют в диком осуждении,
Нежный шлепок улучшит всем кровоснабжение.

P. S.

Из мимолётных дискуссий про сексуальные руки:

– А давай подженимся?!

Наши дамы уже давно забыли про невинную французскую забаву – французский щипок за французскую булку, вот и стоят на танцах в сторонке с угрюмыми лицами, даже без ломтика сыра.

А вон ту, в розовом, я бы и сам слегка ущипнул... А иначе зачем джентльмен вон сколько отрастил, что и на фуксию хватит?

Французский щипок? А всё, что пришло к нам из Франции, наши дамы уважают, понимая, что это в тренде навсегда.

Кроме этого, щипок – это одновременная проверка и упругости попы, и истеричности владелицы, и частоты колыхания в пространстве в соответствии со степенью игривости женщины.

Ещё ни одна умная женщина не заявляла об оскорблённых чувствах, если её называли красивой.

А если жапония показалась унылой аморфной массой, вспомни, что и она состоит из двух полных зеркальных противоположностей, ждущих своего часа. Осталось шлёпнуть и любоваться взаимодействием колышущихся половинок.

Одномандатный депутат

Мандат его к весне обратно засвербило,
В манду его со всеми, вот бы было мило,
Жаль, против всех таких – уж нет графы такой,
В стране с перемантаченной тупой судьбой.

В Москве и так полным-полно своих людей,
Но в депутаты тащат новых к нам бля@ей.
Костюмы примеряют всюду Евы на Адама,
А лучше чаще мыли выше свои ноги эти дамы.

Пока, москвич, твоя жена с детьми на даче,
Заезжие шалавы по недвижимости роем скачут.
Каждый район увековечить бюстом мокрощёлки,
Зимой всему накрыться под шерстистой норкой.

Главная тайна эволюции

– В зеркало, подружка, погляди!
Обезьяну в себе разгляди,
Прочти, как раскрытую книжку, —
Одна другой твердила мартышка.
Дубинкой по черепу крепко стучала
И напоследок – банан отобрала.
Одной было велено – трудись,
Второй примат – умело дерись.
Чужой банан питательно усвоив,
Прихватазировать труды освоив,
За право зваться человеком,
Но кто окажется умом калека?
Кто первый кому башку отстучал,
Тот и перед вечностью прав?

Р. S. Когда обезьяна взяла в руки палку и отняла плод у другой обезьяны, она назвалась человеком.

Следующим шагом первая подарила второй зеркало, сопроводив напутствием, чтобы та поглядела, как похожа на обезьяну, и что ей отныне придётся много работать, чтобы превратиться в человека.

А откуда во Вселенной появился разум, если она зародилась во время большого взрыва?

Или это каждый осколок материи, разрушив вселенский разум, сохранил в себе голографический отпечаток того разума на собственном безумии, отражаемый лишь в живой истине?

И вот стоят живые отпечатки с белозубыми ухмылками, вопрошая о своих правах, подтверждающих, что недавно спустились с деревьев, да палку за спиной прячут, что они уже со всеми правами людей, таскают с собой весомые аргументы, если им не поверят, то тем аргументом по темечку.

Закон эволюции суров, и по нему должны выжить умные, красивые, хитрые и наглые. А трудолюбивые будут выживать, только по мере спроса на весьма изменчивом рынке труда.

Хмурое утро

Хмурясь, всё утро ходит хмурый день,
Без злоключений и без построений,
Когда вокруг всем хмуриться не лень,
Во всех оттенках мрачных настроений.

Про рой. От существительных к глаголам

В стране былой широкой и родной
Вышел указ – кто первый, тот и рой.
Пчелы жужжат: «Напрасно роем уповали,
Рыть первыми правом опарышей признали!

А коль не мил вам хруст подгнивших булок,
На кладбище среди цветов ищите закоулков,
Кормись навозом дружная семья,
Здесь мёда нет, и каждый за себя».

Вождам всегда всего казалось мало.
А по палатам буйных снова не хватало,
И при посадке самой буйной оппозиции
Отыщут в ней приятной слабости позицию.

Р. С. Жизнь чатлан и пацаков без вопросов

Почему-то за эти годы меня так никто из читателей не спросил: а почему номер Империи 5х5 в тентуре?

Или и так было понятно, что $5 \times 5 = 25$ во Вселенной 25, где крысы жрали свой ягель со слезами на глазах, оттого что больше ничего другого делать не умели, а скрипач им был вовсе не нужен? КУ!

– О Париж, о Париж... Но как только мухой долетаю туда, начинаю скучать по родному навозу, – вздыхал один опарыш между делом.

Одна знакомая говорила, что лысые подруги могут составить женщине как счастье, так и наоборот. Рой яму другому или не рой, а рой остаётся роем, а победа будет за героями.

Шоу на граблях

Бизнес – как шоу на граблях упрямым,
Звезда звезд, чем более «динамо»,
Печенек хруст лишь укрепляет чаяния,
А проводник вам наливает чай отчаянно.

И лишь в конце пути понятно, для чего
Всех туалетов ключ один лишь у него...
Окажешься на самом сказочном пути,
Свое «динамо» вовремя успеи – крути.

P. S. Самый запоминающийся ударный инструмент – грабли, и его запоминают с одной ноты.

Райский компот

Где заросли личи и дебри кумквата,
Моталась с надеждою сладкая вата,
Из тыквы и репы, как супчик протертый,
Ты должен кому-то, хоть очень хитёр ты.

Нам вишен и яблок в сухие компоты,
Их кислая сладость без приторной рвоты,
Кыш мышь, чернослив и урюк с курагою,
Всем щедро торгуют отчизны изгои.

Со сладостью финик покажет всем фигу,
Гляжу я в компот, как в раскрытую книгу.

Тоскливая доска

Доска, по гвоздику тоскуя,
Постелью стелилась кукуня.
— Как гладко всё, хоть бы один сучок, —
Задорно пел за печкою сверчок.

Где ху — без ху, я видел это чудо,
В уме своём перебирая блюда,
В мехах зачем-то поливая чепуху,
Поют и пляшут Who is Who.

Иван в объятьях жабы за полцарства

В снегах по колено
У нежного плена,
И каждый овраг
Затаился, как враг.

Здесь даже сосед
Напророчит сто бед.
В ужимках подружки,
Царевны-лягушки.

То здесь подведут, то там вдруг сокрут,
Потому что давно здесь другого не ждут,
Эти встречи друзей перешли в как-нибудь,
Когда разденут, хоть не дай себя обуть.

На водяных идёт охота,
За то, что им летать охота.
Скворец и Шпак всё делят лес,
В котором правит тёмный бес.
С фальшивой улыбкой на лице,
Ждут принцев сидя на крыльце,
Для дураков их театральный плач,
На счёт – король, валет, шут и палач,

В сияниях раскрашенной харизмы,
Блеске лучей здорового цинизма.
Глядя в глаза потасканной тоской,
Желаний нет быть рядом с таковой.

Как царственно вздувались жабры,
Но мутить воду продолжали дальше жабы.
Уху поевши, в чай отчаянья от любых диет?
А съешь авокадо – будет как надо без бед?

Случайный эпизод из виртуальной дружбы,
Знакомы целый год, а на херЪ нужно.
Инстинкты губит сытость детства
И жажда непомерная наследства.

О Зевсе и бычках

Богато стелют, спать всем жёстче будет,
А что с котёнком, меньше гадить будет?
Как бы с экрана соловьём не заливались,
Они – за нас, покуда денежки остались.

Кружком, как лицемерные подружки,
На телекухнях всех пошепчутся на ушко,
Твердят о вечном братстве и парады,
Хотя гостей не звали и давно не рады.

Унылый двор метёт незванный брат,
Кляня меня, Москву и мизерный оклад.
Не возбудить стихом бы в ком-то рознь,
Кто к нам приехал в гости на авось.

Где под предлогом деланной заботы,
Его из дома вырвал кто-то для работы.
Когда в умах царит безмерное добро,
В итоге – миром нашим правит зло.

Мечтая жить в мире светлых идей,
С руками из жоп хитроумных людей.
По счастью больше не сбывается,
Где постоянно что-то всё ломается.

Была, конечно, и Батуриных порода,
Любили в небе поиграть с погодой.
Мэр нужен нам, как и собаке пятая нога,
Куда не ткнись – его копыта и рога.

Нам лучше всё кругом снести, а Лужники —
Переиначить вскоре будет в Нужники.
Есть деньги построить – нет воли убратся,
Вот и живём, как в свинарниках, братцы.

Взгляни – ЖЭК, торговля, медицина и извоз,
Нагрянул в город весь разрушенный колхоз,
Из местных обрести работу мало кто желает,
И это, скажем честно, многих раздражает.

Но шкуру драть с гостей, как с коз,
При этом горожанам совесть не мешает.
Им лъстивых обещаний не дарите,
И на ночлег с работой тщательней берите.

Чего от нас хотят, пугая чудищем игиловым,
Отмыть Россию от Медведя Мойдодыровым?
Театр, бассейн, метро, вокзал, базар,
Аэропорт, дурно прикрытые подвалы и амбар.

Опять – теракт, или пока одни учения?
Полиция, автобусы какого-то спасения.
Где нам ещё чужих с тротилом не хватало?
Так скоро занесут в голодном раскумаре.

Устроен мир весьма рационально,
Здесь каждый в чей-то рацион идет орально.
От хоти бычась, изменяя Азии с Европой,
Подобно Зевсу, в мыле пролетаешь в попу.

Р. S. В раю ангелы собирают мусор, разбросанный чертями, в белые мешки, а в аду черти мусор от ангелов складывают в чёрные.

Сад, упакованный профессионалами уже без особой любви к живому в гранит и мрамор и разграниченный ограждениями по памяти так, что другим живым становится немного неловко веселиться, называется кладбищем. Так и с родным городом, где правит вся имперская «НАС – РАТЬ!»

Это – власть, не способная разработать и осуществить хотя бы один пятилетний план, кроме посидеть тут поверх «Теремка» маленько, за гладью озера понаблюдать и за прочей фауной?

Игрушки мужчины кризисного возраста

Тихо тоска в сердце молчала
О счастье, жизнь что обещала.
Длиною утомительные строки,
Свободою томительные сроки.

Так, головы друзьям мороча,
Гуляю преимущественно ночью.
Так как же лютому поверить зверю,
Когда себе давным-давно не верю?

Жизнь пролетит быстрее кувырком,
Нам не понять – зачем ещё живём?
Сменив проводку на проводку,
Свой получить пятак на водку?

И кризису прекрасно возраст шёл,
В котором гол ты, как сокол.
Где плохо лежало, там худо стоит,
Тугая мошна нам про то говорит.

За сим плачу – не плача, не рыдая,
И голове своей руками помогаю —
Чтоб не кручинилась моя головка.
На тёрке чаще тру себе морковку.

Мечтой одной о жизни сытой
Век не накормишь паразитов,
Земля не встанет под ногами,
В душе пожар не тушат пирогами.

Р. S. «Ной – не ной, а у нас каждый год потоп. А вам всё одно подавай, чтобы каждой твари – по паре», – ворчал дед Мазай, укладывая в лодку заек штабелями, чуть разгладив им ушки.

Мифические Арии? На первый – второй?

Чувствительность светских дам, почитающих пресвятость дев и прочих непорочных роженец, могли бы оскорбить слова шальной эстрадной императрицы о чудесах с первым и последовательностью мучений со вторыми.

Но – нет, обычно, весело подпевают, что все стервы при своих правилах счёта...

А что, если так зовут людей сошедших на Арарат с допотопного ковчега? Тогда АРА – это мы все, красавчики?

Стройная, загорелая белокурая бестия нежилась на берегу послепотопного моря, когда увидела очередного бородатого красавчика:

– Ты откуда, красавчик?

Красавчик указал рукой неопределённо вверх и в сторону, где по его разумению находилась гора Арарат:

– Оттуда.

– Арарат? Светлый дух гор?

– Ара... – не успел он договорить, как оказался в жарких объятиях русалки, не дающих произнести и звука между страстными поцелуями.

– Красавчик, ты и впрямь, как ТОТ – великий дух АРА...

– Так я уже не первый?

– Второй... После второго потопа, второго дня... – сбивчиво пыталась объяснить светлоголовая кудрявая нимфа, с невинной голубоглазостью кукольного взгляда, так и не научившаяся считать более двух. – Да и зачем более, если каждой твари иными определено по паре?

Ной – не ной о том, что незванный дух – хуже допотопного ТоТ-АР-ина, а нимфам бывает же и лучше на второе.

Допотопный ТоТ (иначе Теут, Тут, Туут, Тоут, Техути, Джехути, др.-греч.) – древнеегипетский бог мудрости, знаний, Луны, покровитель библиотек, ученых, чиновников, государственного и мирового порядка, является одним из самых ранних египетских богов. – *Примеч. автора.*

А-пока-лип-сис. Апокалиптическое

Всё чаще жизнь входила в ключевую фазу,
Била ключом везде, по всем и сразу...
Машина – зло? И поработает за нас и дальше?
Всё рассчитает, испытав все чувства фальши?

Лав из,
пис из,
Ось зла,
но мир – держись...

А пока – липс и сис или куда ещё вам любо,
Любимых слаще, чаще мы целуем в губы.
Бродить за смыслом по протоптанной дороге,
От боли в голове, чтоб растереть в мозоли ноги?

Будь я счастливым, стал бы я таким, как все,
В несчастьях каждый сам талантлив по себе.
Всем, потерявшим рай, казалось мало надо —
Устроить адский пир на ядрах своего распада.
И плещет в душе ностальгия, как в ядрах кокоса,
Обратно! За грозди бананов забыты морозы.
Свой мир не изменишь, не сделав признания,
Смешной человек, может, в этом призвание?

Чем властней протухали вертикали всего тела,
Тем чаще откровенно тухлой рыбой бздело,
И крысы с скарбом, мрачно трюм галеры покидая,
Стремительней перебирались ближе к её краю.

Р. С. Номенклатура, занимаясь одной пропагандой, начисто забыла о понятии «совесть» и ценности каждой человеческой жизни.

Слова, может, власть и находит правильные, но её действия и своевременность реагирования всё чаще неадекватны её словам.

Подснежник из берлоги

Что март, когда апрель грядёт?
Медведь, сопя, ворочает берлогу,
И лап своих он больше не сосёт,
Согрев ещё подснежников немного.

Весны капель уже надежды подаёт,
Прощаемся с зимой-старушкой,
А кто-то, веря, на дороге продаёт
Для перелётных птиц кормушки.

Секс или кекс

Почти что не плюнуть в городе этом,
Промазав в художника или поэта,
Раскрытую книгу кладёшь на треножник —
Давайте рисуйте, товарищ художник!

Взглянув в вероятность случайностей,
Построить сюжет двух реальностей.
Дружбой с поэтом художницы дни опорочены?
За зиму талантом они все обесточены,

Претит вкус изюма из пошлого кекса,
И вволю замесов от пышного секса,
Любви не хватает для радостей сердца —
Дать денег немного, по моде одеться?

ЗЫ. И в церкви можно высмотреть чудесную партию из тех, кто усердней всего замаливает грехи, но в социальных сетях — удобней.

А совершенствование чувства самообладания во взаимодействии с окружающими противоположностями избавляет от углублённого изучения способов самоудовлетворения.

Хроника хроника

В машине времени моей прошёл необъяснимый сбой,
Во времени я пробкой встал меж Химок и Москвой.
В Химках был вторник, а Москва – ещё за понедельник,
А у меня – шабат, хоть на работу еду, не бездельник.

Но не пойму по всем приборам я в этой натуре,
Какой сегодня год? Я где? В какой антитентуре?
Болтаюсь сам я черной тряпкой ветрено на воле,
Сослать пришла пора всех муз разом на море.

Корабль, бунт, а у меня пиратский флаг на рее,
Вода студёная, прохладно, музы от всего звереют.
От ям дорожных, моих ямбов муза нынче не хореет,
Собрала чемодан – пусть кабачки в саду жиреют!

Р. S. Про видения

Даже у злостных хроников случаются райские видения со спиритуозностью нектаров
и парящими белочками или от адских смесей из гидролизных ректификатов со злобными
зелёными чёртиками.

Нелепый снег

Сегодня снег не лепится совсем,
А только дело до него есть всем.
Вновь раздаётся детский смех:
– Айда жевать нелепый снег!

Такая ночью выпала нелепица,
Жуётся, но варежкой не лепится.
Как взрослым детям показать,
Что снег – лепить, а не жевать?

И вот при этой всей нелепости,
Мы к внукам обрастаем нежностью,
Которая растёт, как снежный ком,
С взаимной радостью, размером с дом.

Р. S. Синдром Кая (из люди – в нелюди)

Когда мы отказываемся от жизни в её хаосе созидательного кипения, то погружаемся в разрушительный порядок единого мирового оцепенения – скованную льдом вечность из живой истины. А между нежными королевами и снежными – огромная сказочная пропасть.

Новое слово о главном

– Дать! Не дам, – и зарыдать,
Юных дам легко понять.
Угадать, где конец её, – хотю?
А вот новое – дю-дю!

На гармошке ей – дю-дю.
В лес идём, она – дю-дю.
И дю-дю, когда проснулась.
– Дю-дю! – солнцу улыбнулась.

– Вы с прогулки возвращайтесь,
Я вас чаем надю-дю.
В нашем сказочном краю —
Все дю-дю – я всех люблю?

Шастнуть к деду в кабинет,
Пусть он работает, я – нет,
Не дю-дю лишь спать у стенки,
Лбом стучусь и жмёт в коленки.

Змей, дракон и мартышка

Спорят задорно и весело в теле одном
Хитрый примат и простодушный дракон:
– Мне яйца сберечь, научившись летать!
Росли бы дальше эти крылья у людей,

Не соблазни их жён ползучий змей.
Так чтобы прыгать, есть хвост и скакать!
А яйца прыжкам будут только мешать!
Где тут мартышкам драконов понять?

И если бы не единство тела эволюции,
Его на части бы порвала эта резолюция.
Зато теперь все скачут, как мартышки,
Им не помогут даже сказочные книжки.

P. S. Любопытство – чувство позволяющее примату отделить по шагу шаги, ведущие от любви до ненависти, от обычных с шишками и оплеухами

Худая рука барина – всему владыка

Шимейл камыш, в деревнегнулись,
А поутру они проснулись,
Короткой показалась встреча кротким,
И что-то прежнее икнулось.

Порхатый шмель
В чужую дверь,
Цапнул сереньких и в камыши,
Пошуршали камыши и притихли за шиши.

P. S. « – И откуда из вас латынь эта выскакивает? Сами-то вы вроде не из латинцев.
– Да барин у нас прежний всех мужиков заставлял латынь учить.
Желаю, говорит, думать, будто я в Древнем Риме...»

...Менялись старые баре, которым то Греция приглянется, то – Монголия, то – Англия, то – Голландия, то – Франция, то – кабак, то – Германия, то – Китай... родня большая, есть куда погостить съездить. Зачастишь – и речь родная позабыта окончательно, а большинство и так научилось изъясняться на пальцах в обетованной кунсткамере посреди большой зелёной пустыни. Да, похоже на то, что и думать научились тем и в том месте, которое получилось от бесконечной лепки и комканья аморфной массы.

От автора

Порхатый шмель – ласковый и нежный шмель, порхающий везде с предложением отужинать или отобедать на его «Ласточке».

А хорошо упитанный человек – может запросто оказаться худым

Цифровые страсти

Всего минуту длилось обновление,
Уж новый браузер тренирует на терпение.
– Учить пароли нужно, явки... Я – не виноват,
Ты не хозяин здесь, товарищ и не брат.

Матрос к винчестеру приставит маузер,
Перегрузить хернЯ обратно в браузер?
Перезагрузкой, может, вас бы отпустило?
Да памяти нам, как обычно, – не хватило.

Навеянное весной

Прохладой тёплый март встречал апрель:
– Тогда я ухожу, а на прощание – метель.
Пока погодам за окошком спорить тесно,
Я предложу на час иль два вкусить сиесту.

Псиная примерность

Моя прелестная подружка,
Ты почеши меня под брюшком.
Лохмат и свиреп, бываю злой,
Случайно приручён был тобой,

Пусть кажется – я злобный пёс,
Везде сую прохладный нос.
Игривость показалась шуткой,
Узнать, что прячется под юбкой?

Тебе не понять моих целей.
Хотя я и сам в них не верю.
Уж не щенок, наглец – я, знаю,
Может, клещи от смеха отпадают?

P. S. Клещам понятно станет наконец,
Что означает «вам придёт песец!»
Мы всем паразитам такое покажем! —
Буквально поймут и собаки со стажем.
Беззубой показалась видимость угрозы?
И руки есть, как и шипы у каждой розы.

О потерянном советском паспорте

Что доставали из глубин штанин широких мило,
То раньше в них тогда – не на бумажке было.
А нынче пылится где-то одиноким бременем
В попытках ностальгировать по времени.

А время откликается с улыбкою уролога:
– Вопрос, скорее, к главному астрологу.
– Ваш срок прошёл, спать звёзды лягут без тебя.
– Как всё? – пусто в душе бубенчики звенят.

ЗЫ. От перемены шила и мыла местами ничего не изменится. Без устранения причины, глупо сваливать всё на последствия. А причина всему – капитализм, сросшийся намертво с властью. Они циничны и даже не пытаются этого скрыть.

Эпитафия иконе стиля

Сбежала наша жизнь в «Живой журнал»,
Который чаще бледный глянец излучал.
Живым – работа, умирающим – почёт,
Хоть в этом мире часто – всё наоборот.

Полно ещё живых художников, поэтов,
Но пьют, едят они, как их любить за это?
Да, совесть их пускай ещё не давит груз
За стоптанных случайно пару сотен муз.

Поэт, писатель в жажде денег, власти,
Греховней нежным музам нет напасти,
Творец, художник и преданный учитель
Иль телом дряхлым своих муз мучитель.

Когда поэт прожил немало долгих лет,
Он уже больше, чем простой поэт.
Для муз он рифм оживший полубог,
Пускай с тем слогом он навеки занемог.

Живых – конечно, бродит миллионы,
Но интересней обёртка мумий фараонов.
А белый саван всю отчизну накрывал,
Пока и ты за белой негой в очередь попал.

И щёки как с неги, с забытым румянцем,
В остывшей душе, припудренной глянцем,
Страсти с азартом, вместо забытой любви,
В осени жизни в мечтах догорают они.

Три дня – обычный в этом миру траур,
Затем и глыбу упакует глубже в мрамор.
Весны в твоей жизни больше не будет,
Лишь рифмы из слов, застывшие в людях.

Пусть грустно образа спокойные глядят,
Зато почти не пьют и много не едят.
Здесь мёртвых чаще любят более живых,
Хоть и бегут быстрее дети прочь от них.

При жизни живые мёртвых царства ждут,
От хоти мёртвые, хоть – сраму не имут.
Дай грешным пресвятой ответ, дева Мария!
– Диагноз обществу какой? – Некрофилия...

Р. S. Ушедшим – эпитафии, живым – эпиграммы,
Последних сто грамм, и те – инстаграму.

Нет профессии смешней и опасней, чем у сантехника. Скажешь, что бабкам прокладки меняешь – засмеют. Про это, как раньше, с «леркой» вертел – покрутят палец у виска, а проговоришься в компании о прогнившей системе – точно посадят. А трагичней, чем у поэта, – не успеешь дать дуба, как все уже соревнуются в том, что любил твои стихи больше всего и жить без них не может, а тебе сверху – уже всё равно.

Обезжиривая постное

Ребрендинг постного гуано за пределы от и до,
В надежде, что и по-другому им выжить – не дано.
Падение жирности отмечено на ценник ростом,
Утешившись расширенной вилкой ГОСТов.

Немало здесь ещё лесов, полей и рек?
Вольно дышать? Да, обманулся человек.
Процент усушки всех дышавших вольным лесом
Уйдёт поправкой к властным мракобесам.

А остальным чуть подтянуть штанишки нужно,
В работе снова пилит лесопилка «Дружба»,
Тарифы, цены, санкции и налоговые льготы,
Смех да и только, это искусство – для народа.

P. S. Как считать очередной рост ВВП? В попугаях?

Всем этикетки переклеить рьяно,
Так станет ещё сказочней гуано,
Хотя на лицах робость и смирение,
План роста ВВП в тарифов удвоении

Рыжий закат красного рассвета

На месте глобального мира и рядышком нас
Как место оценить своё, пускай немножко?
Достаточно увидеть на витрине спелый ананас,
Ценой в фасованно-умытую зелёную картошку.

Доев ананас, ты этот картофель пожуй!
Кому день последний и кто тут – буржуй?
Красный рассвет закатом обернулся рыжим,
Так это мы – фанерою парили над Парижем.

И с богом пили, и безбожно жили небогато,
Власть взяли черти, но пугают шариатом.
И коммунистам, в фиги складывая пальцы,
Всё продадут, а остальное купят у китайцев.

P. S. Только время помогает разобраться в том, кто на самом деле рыжий, готовый все-
рьёз нанести удар в спину любому красному рассвету.

Остров, тонущий в разврате

*Лошади умеют плавать,
Но не хорошо, недалеко...
«Глория» по-русски значит «слава»,
Это вам запомнится легко*
Владимир Захаров

– Готовы вы к езде везде запрячься?
Рабочий круп, к узде привычны губы,
Под упряжь торс, с хвостом игратьсь,
Смелей, лошадки, предъявляйте зубы.

И каждый раз лошадки ржали, вспоминая,
Как царственно тонули кони в море том,
Как переплыть мечтали с краю и до рая,
Быстрее рыб гребя анальным плавником.

За похоть им секс с животной природой,
Служил игрой концов, опущенных в угоду.
Не раз им ложиться пришлось промеж жён,
За связью зада с никчемушным передком.

Без звуков мендельсоновых оркестров
В би-свинга зоне собрались братия и сестры
Совокупляться местами беспричинными
С навек прокисших душами мужчинами.

Сдаётся мне, и вас гуттаперчевый мальчик
Подсадит на свой силиконовый пальчик.
Колбасным фаршем тесто раньше начинали?
Жених? Давно он без невесты трали-вали.

Им показали фокус – экс-брекс-фекс... —
Чертовки в воздух чепчики скорей кидали.
– Теперь нам можно секс и кекс, —
Вертелись и, снимая лифчики, визжали...

Р. S. Человеческим обществом управляет мораль и закон. Подменять одно другим, их искусственными суррогатами или вовсе игнорировать – одинаково ведёт к краху.

СССР уже нет, зато секса в России за каждым забором – навалом.

Плетью обуха не перешибёшь, но и по коням, чтобы не чудили на переправе, пройтись не возбраняется.

Фруктовое танго

Пусть наши белочки с мартышками
О фруктах всё изучат в книжках,
Там про бананы есть всё, и про шишки,
И как играют в танце кошки-в-мышки.

От свежих фруктов много проку?
Чуть витаминов и немного сока.
Размер ноги значения в танце не имеет,
Здесь каждый шаг танцуют, как умеют.

Был краткостью дерзок, дозрев ананас:
– На этот танец пригласил бы вас.
И зрелостью томились оба манго:
– Так что же, мы не дотанцуем это танго?

Я муз своих движением далее не утомляю,
Без соли ананас буржуйский доедаю,
Азарт и страсть переполняют чувства,
Спасет или любовь, или её искусство?

P. S. На сочность фрукты проверяет жизнь не раз,
Плюнул в неё, она в ответ – плеснёт струёю в глаз,
Хоть в лоб, хоть по лбу – крепок, как кокос,
Но и в тебя протиснут острый комариный нос.

Ошибочная икра

Хотя мальки, казалось, — дивно головасты,
Но быстро к голове их прирастали ласты.
Дело не в лужах и не в их масштабах,
Не станут рыбками икринки серой жабы.

Всю прелесть мира, его негу, красоту
И до меня раньше прекрасно описали.
Я одного понять лишь только не могу —
Где и когда мы всё так быстро растеряли?

Р. S. В расхваленном куликами болоте каждая жаба считает себя царевной. А если золотую рыбку при первом поцелуе начинает давить жаба, мешающая быстрому исполнению желаний, не расстраивайтесь, вероятно, она — принцесса из лягушачьего царства и ей нужно время успеть сменить пупырчатую кожу на гладкую.

И генетическая память нашёптывает: «Да кем только в материнской утробе мы только ни были, а лишь бы вышли в люди — людьми».

А чёрная икра — это несбывшиеся надежды большой белой рыбы на светлое будущее с лёгким привкусом детских слёз. Рыбины так долго носились со своими хордами, пластинами и хрящами в поисках чистой истины, что и не заметили, как оказались в окружении стенок плотин для мертвеющей воды, в рациональном мире — символом изысканного рациона.

О вероятной частоте покраснений

Взгляд женщины потасканной с тоской,
Остаток жизни провести суметь с такой?
Четыре раза женщине краснеть придётся,
Когда мужчине только два – неймётся.

И когда юные стыдливо вопрошают:
– Как можно целоваться и носы мешают? —
Те, кто постарше, только шире улыбнутся:
– Ещё не так вам предстоит нагнуться.

Миг счастья женщины короче и в деталях,
Моргают чаще – значит, чаще проморгали,
Конечно, ни при чём их длинные ресницы,
В два раза больше им приходится стыдиться.

И первый раз однажды вся лицом зардела,
Когда ей стало ясно, что она уже не дева,
Второй раз – замужем, немного покраснела,
Когда с любовником пошла вдвоём на дело.

На третий раз вся краскою пылала,
Когда за секс в оплату деньги брала,
В четвёртый раз отчасти покраснела,
Сама оплачивая все мужские ласки телу.

Мужчина дважды в жизни покраснеет,
Сперва – если второго раза не сумеет.
Зальётся яркой краской раз второй,
Когда и первый выстрел холостой.

Р. S. Учёные подсчитали, что женщины моргают в два раза чаще мужчин, а шутники утверждают, что и покраснеть поводов по жизни у них раза в два больше.

Как дважды два – четыре, из анекдота, что мужчины краснеют в жизни пару раз. Первый – когда не смог дважды, а второй – когда и первый не попытался. А потом всем всё уже – безразлично.

Страховой случай с гормональным всплеском

Корова на корову, жмутся, раздвигают ноги,
Им кажется, что быковать им вечно на дороге,
Они бы дальше без рогов дорогою бодались.
Да вскоре их коровы за железами примялись.

С безрогостью им не поможет никакая справка,
Молочница, жизнь без быка, горькая травка.
Мычали до разбора, кто же из них круче,
Да подравнял всё протокол – страховой случай.

Эвакуаторы утащат, по бокам примятые коровки,
А в страховой – обратный пересчёт страховки.
С соитием обошлось без чистки светлых тел и душ,
Смена прокладок, автосервис, подбор краски, душ.

P. S. Не будь они строптивы и упрямы,
То, может, меньше верили в рекламу,
Не зря врачи твердят своим знакомым:
– В такие дни сидите на больничном дома.

Правила хорошего тона. Шут, огорошенный принцессами

Суть в принятых правилах тона хорошего
В искусе принцесс, слегка огорошенных, —
Унять свой привычный начальственный тон,
Покуда бисером чужим бываешь ослеплён.

Есть сказка про классический процесс,
Как выявлять среди людей принцесс —
Указать сперва им властно на перину,
А после на горох в большой корзине.

Всё. Осталось — вымыть руки и дожидаться,
Супу поесть иль вместо — в душе раздеваться.
Пускай потом горох об стенку градом,
Хоть и принцесса после душа рядом.

А чуть за полночь — гложет душу скука,
К чему горох, раз не разварен в супе?
Ритмичен секс, плавлен, изыщен менюэт,
Сгодятся «Сникерс» с «Твиксом» завтра на обед?

И палочка за палочкой хрустящего печенья,
Принцессы ценны тягой — к рода продолжению?
И от твёрдости каждой горошины в постели,
В испарине вертеться до истомы в юном теле.

P. S. Ворчал король, кивая светским дамам
И доедая суп гороховый от Золушки упрямо:
— Сынок! Не доверяй подбор невесты маме!
Чтоб в королевстве всё казалось малым.

— Вот выйду замуж за наследного принца, заживу по-королевски! — рассуждала простушка.

— Да я со своими запасами гороха всех вас, @лядей, переживу! — тряслась от внутреннего смеха всеми морщинами пожилая королева-мать.

Достаточное осточертевшей музе

Внезапной красотой небесной музыки восхищён,
Но разум боле страстью не был возмущён,
На две лопатки упражнением ума уложен,
Контакт телесный между нами не возможен.

Считая, если к ста прибавится верста,
Уже достаточно сказать, их больше ста.
Казалось больше ста секунд её минута,
И в часе больше ста их стало почему-то.

Привыкли мысли с расстояния читать,
Когда не вместе, научились не скучать.
При повсеместной лжи и безразличии,
Осточертели эти песнопения о приличии,

Любовь привыкла к музе отдалённой,
Что глубина, когда вокруг бездонно?
Пусть тело разучится чувствовать боль,
Всю хоть в суете суетой не неволь.

Нам сотни суток перешли уже за тысячи,
А сны девичьи – иные, чем мальчишечьи.
К чему расчёты суток и периодов вращения,
Когда есть у неё своя орбита обращения?

Шлифуя грани бесполезных плоскостей,
От пересчёта сотен перешли до тысяч дней.
Читая мысли, чтобы вместе не скучать,
С годами научились сказочно молчать.

Тебе и ей осточертели эти песнопения,
Расстаться с музою без тени сожаления,
И безразличны траектории вращения,
Раз у неё отличная орбита обращения.

Спираль любви манила сила плотская,
Да пожирала всё мораль наша уродская.
Дочка, жена, сестра и наши мамы,
Они в своих амбициях жестоки и упрямы.

В безумствах родители спорят упрямо,
Как с сумасшедшим делить свою карму,
Четыре склочных, но любимых бабы,
Сколько ещё таких для счастья надо?

Вы ссор на несколько изб накопили,
Что лучше, родные, чужими мы бы были.
И только внучка – юное и чистое дитя,
Вся радость мира – только для тебя.

P. S. Бывает, что опытный мужчина повстречает девушку с растрёпанными чувствами, но уже при расставании мужчина получает растрёпанные чувства, а девушка приобретает очередной опыт.

Со сторонней музой можно проверить настройку струн своей души, но давать играть на них постоянно явный перебор – к расстройству всего инструмента.

Таланту и поклонницам

В талан зарыт был весь талант,
Всем музам вечным – только номинант,
Но искренне любим по их же воле,
Меня учить, хоть не заставят в школе.

Друзьям моим же проще объяснить,
Как истину на спирте разводить,
Взглянет вельможа за очками познатней,
Так он её ещё и Сэма гонит? Эге-гей!

Модно поэту нынче стало издаваться?
За славой все хлопотно гоняться?
Когда моя пришлась бы многим по душе
Прогулка с музой, просто – в неглиже.

Проблема с любить ушами

В словах любви напрягся слух природный
И с ними орган нежный детородный,
Слово за словом залетали в душу —
Прок в клятвах, если случаем нарушу?

Говорят, что бяки наши стали буки,
Когда по книжкам не доходят руки.
Напрасно трепетные знаки подаёт земля,
По картам дамам — лечь под короля.

Другим, проспавшим жизни лета,
Впору шестёркой или лечь валетом.
Шутя с поэтом можно быть или не пить,
Со смехом муз своих с утра будить.

Кислые мысли о прыщах уже достали?
Давно, видать, интимно не ласкали.
Покуда о любви ни сном, ни духом?
Пора к врачу — с проверкой слуха?

Политкорректность в причинных местах

Заспорили однажды пенисня и вагинец,
Причина в ком и чей важней конец?
И в бранной речи суть – причинна,
В котором из начал – начало чина?

И как бы сильно ни кричала мама: «Мама!» —
Отец старательней напрягся и зачал упрямо.
Жизнь ради жизни, как всем в чудо верится,
Вскормить, одеть, согреть, всё – сущая безделица.

Такою оказалась обоюдная игра,
Началам всем играть в неё пора?
Что пенисня, что полный вагинец,
Есть суть начала – где прошёл конец.

Бесовщине

Чудесное – в имени Юля,
Внутри дышит жаром июля,
Рассказы звучат её песней,
Ты – ангел в объятиях бестий.

Душою отчасти застенчива,
Ответа не даст опрометчиво,
В Весах Скорпиону отвешено,
Ступайте-ка сами вы к лешему.

Пусть ваше наступило время
Осеменяться на чужое племя,
Так пусть оно переболеет вами.
Катитесь вы к бесовской маме.

Французский поцелуй к чиху из ящика Пандоры

Мужи учёные внезапно в страхе оробели:
Откуда злых таких бактерий люди заимели?
Воздушно-капельность техничного измора,
На всех чихает своим ящичком Пандора.

– Секс, рок тяжёлый и наркотики,
Водка, табак, опять глотать антибиотики...
Всё дальше удивляется наука в спорах,
Из мест каких берётся эта микрофлора.

И повсеместно вагинальная ангина,
Сопровождает вездесущее тычинок,
Следом за ними всё перемешали пестики,
Хуже чертовок оказались эти бестии.

Такой ректально-вагинальный ларингит,
Даже ушами любить доктор не велит.
Куда живым от этой нежити бежать,
Когда Пандоре из своей шкатулочки чихать?

P. S. Ор, сор, ссора, усталость

Для тех, кто умеет любить ушами, нет тайн в ведическом языке и волнующих причинными воздействиями колебательных прелюдий.

А прочие могут путаться в ложном пользовании устами между ораторским искусством и оральными техниками, что Маша шла по шоссе и сосала сушки до усушки.

Каббала девственного неистовства

Глумятся девы юные, которые и в старости упрямы,
От мыслей в их башках плодятся только тараканы.
Достаточно, если найдётся и один безумный,
Чтоб погасить огонь страстей у девы юной.

В мандепы ей прорваться юной нежной киской,
А далее все здания косой разметить сиськой.
Район увековечить бюстом тёртой мокрощёлки,
К зиме укрыться всем её шерстистой норкой.

Во снах своих они все повторяют подвиг Жанны,
Но, распечатав, их отправят на кострище прямо.
А если в девах им до старости сидеть неймётся,
Дойдёт и недотрогам своя очередь до поца.

Тем ненасытным упырям девичьей крови каплю надо,
Такая суть и тайна магии их древнего обряда.
У революции матросов, нет к заседателям вопросов,
Кто бабе руки оторвал? И распечатал без допроса...

P. S. В свершениях масштабно-исторических,
Грозятся дамы нам поддержкой эротической,
Но избегайте всё же пылко-истерических
Кобыл со спичками и в веяниях космических.

К перемене божьих даров на яичницу

Матриархат ввёл половине на делиться – санкции,
Потеряна у них потребность ко взаимной мотивации,
Нам бы в этих крестиках побольше плюсов разглядеть,
Да в знаках умножения всем предстоит херню узреть.

Цель провокаций сильных слабостью замечена одна,
Чувство беспочвенной неловкости и ложного стыда.
Присягой новой цели исковеркано защитников нутро,
Чтобы вернее скопом стерегли скопцы хозяйское добро.

ЗЫ.

- В чем твоя сила, сестра?
- В способности из липкой жижицы сформировать богатырскую суть.
- А слабость?
- Действовать в строго обратном направлении.

Бесамимучим на МКАДе, или рассосётся. Попурри

Наш брат, напорист и упрям,
На новые ворота прёт баран.
– Едет баран, везёт баран,
Большой зелёный барабан.

– Роскошный кожаный диван! Вам! —
Сигналит и поёт баран.
– Яндекс, Убер – аллес,
Здесь все везунчики собрались!

Бесами, Бес-сами-мучим,
В пробке молчим и чернее, чем тучи?
– Везёшь ерунду, как попало,
Придурков не всех ТНТ разобрало?

Соседушка звонко смеётся:
– Может, пробка рассосётся?
– Ты бы, голубушка, молчала,
В пробках МКАДа нет начала.
Припев

Намотан трос на барабан,
Эвакуируют рыдван.
– Платите денежку, баран!
– Прибудет счастья в письмах вам.
Наша пробка хороша,
Начинай сначала,
Рассосалось, – чуть дыша —
Вновь начни сначала!
В сини смога не стоялось?
Так ликуйте! Рассосалось!

Тем временем полно подружек
Совсем сорвало с их катушек.
Небо – блю, а травка – грин
Еллоу кэб, толпа мужчин.

Я нахально улыбаюсь
И неспешно раздеваюсь.
– Яндекс, Убер – аллес,
Здесь все везунчики собрались!

– Бесами, Бес-сами-мучим,
В пробке молчим и мрачнее, чем тучи?
– Несешь ерунду, как попало,

Придурков не всех ТНТ разобрало?

Вновь соседка смеётся:

– Значит, точно рассосётся?

– В этой пробке я начало, —

Потянулась, замолчала...

Припев

Намотан трос на барабан,

Эвакуируют рыдван.

– Платите денежку, баран!

– Прибудет счастья в письмах вам.

Наша пробка хороша,

Начинай сначала,

Рассосалось, — чуть дыша,

– Вновь начни сначала!

В сини смога не стоялось?

Так ликуйте! Рассосалось!

ЗЫ. Московская пробка на кольцевой дороге, резвятся «ГАЗели», мигалки всех цветов, таксисты лихорадочно ищут в навигаторах альтернативные решения.

Жена:

– Ой, смотри, какая красивая девушка прямо в машине раздевается!

Я:

– Где?

Жена:

– Ой, ты лучше за дорогой смотри!

Я:

– Я за дорогой смотрю. А вон девушка банан очень эротично ошкурила и ест.

Жена:

– Я же тебе сказала, за дорогой смотри, дорогой, рассосётся.

Ни свечка, ни кочерга

Что – ни богу свечка, ни черту кочерга?
И ты входил, куда попало,
Своим началом всех начал,
Веря, что кровь навеки горяча,

Но меркнет свет, и оплыла свеча.
Чудесна раболепия культура,
Главное вокруг – архитектура!
На цепи сидишь живой? Не вой!

Поработаешь во славу и покой.
Такие времена, такие лета, братцы,
Вам нас надуть и при своих остаться.
И как бы братья зверствовать
в своей работе ни старались,
Их сестры без ушей с серьгами
где-то сами по себе остались.

Даже с отлётом пирамиды Голода
Жива система управления холодом.
О просветлённом углероде помышляли,
Изъятием денег у шахтёров промыслили.

За расшифровку меня браться
Тоже не стоит торопиться, братцы,
Это деньгами вовсе не поможет,
А только совесть вашу растревожит.

ЗЫ. С точки зрения правил рационального мира – одни ошибки?
Хотя и рациональный мир не без греха своих ошибок.
Пенисбургер с просраченным ливером в зелени и сладким
соусом между булок.

От двух до пяти условно

И сколько раз поэт призвать пытался к совести людей,
В ответ – молчание или ехидные насмешки от друзей.
Напрасно к совести взывать других поэту,
Такой валюты даже в банках нынче нету.

Наивно полагать, что стих озвучат мой прикола ради,
Хоть пионерки, хоть другие безответственные в стаде,
На карте – совести разменная монета,
Неблагодарная, как и судьба поэта.

Случайная зарисовка на стене берлоги

Попрыгав вопреки всем прежним умным книжкам,
С медведем ловко спарилась и зажила мартышка,
Лишь чуть дыша и удивляясь после понемногу:
– Как? Зиму всю придётся прососать в берлоге!

ЗЫ. Дважды, с бананом и медведем, согрешила
И тем судьбу свою мартышечью решила,
Хотя берлога всё-таки не безвозвратный ад,
Весной отгаёт всё, и можно в Африку, назад.

Пристань загулявшего поэта

Поэт блудил, отчаянно гулял,
Однажды веру в пристань потеряв,
А пристань улыбалась, не ревнуя, —
Ну, где ещё найдёшь такую?

P. S. Весь вечер дожидаясь суженого,
Она томила вечность с ужином.

Триумф женской нетерпимости

Стали в отчаяниях их женские суды,
Про все утехи от мужчин зело худы.
– Без удовольствий стали почивать?
– Так власти нужно срочно поменять!
– Изгнать отсель Собянина и Путина,
– Самодержавного найти Распутина?
– Зарыть скорей из мавзолея Вовку?
И горькая в салат трётся морковка.

ЗЫ. Безобразия

Когда на заборе нечто написано – это же не означает, что это за ним и стоит или на манер столба его подпирает.

Ангел и демон

Лужи, грязь и дождь ночной,
Под руку ангел чистый, неземной,
– Мой дом вот, а твой? Ну, где он? —
Искушал я, словно демон.

– Мой кров рядом, он – такой,
А сейчас отчасти – твой.
Неделимы, как часть от части,
Вот и ключ висит, на счастье.

Открывайте и входите,
Своё счастье – не проспите.
Здешний сад, он – как чистилище,
И рыбкам райским, и удилищу.

Пусть не райская обитель,
Если вы в Эдем хотите.
Но беситься воля, право,
Ад – налево, рай – направо.

Ты – слов любовных мастерица,
День встречи мне ночами снится.
Меж нами снова пропасть времени,
Я – демон, а ты – ангельского племени.
Ангел нежно повела глазами:
– Вы – вперед, а я – за вами.
Я ангела укрыл зонтом украдкой,
Из крыльев перья дёргал по порядку.

О мучительной правде

Однажды изворотливый, задиристый столичный бонвиван
Затеял с музой спор, хотя и был он окончательный болван,
Из букв трёх рифму непрерывно составлял стремительно,
Пока всей правды не познал, как ни была она мучительна.
Прямолинейностью простатной простоты, как ни вертите,
Самой извилистой кишке природою отточен выпрямитель.

Свиданье с музой

Смеялась муза: – Перестал стихи писать,
Меня забыл, своё вино вина и чью-то мать,
Мысли и рифмы мелко искрошил в капусту,
Изрезал и засыпал в бочке солью густо.

– Смешней влюбляться в пожилого старика,
В его мозгу – туман, кольцам неверная рука,
А муза всеми позвонками жаждет действий,
И ноют тела мышцы без любви последствий.

Смешав слова без букв по роковому плану,
Ездою по ушам сердечную целить пытаться рану,
С тем же успехом сказочный поэт или художник
Мог бы приклеить ниже поясницы подорожник.

Балда и госпожа

Предстал пред госпожой один Балда балдой.
– Обязана проверить статус твой, герой!
И ты, изволь и совладай с моей звездой.
– Вот – заяц, младший братец мой, —

Балда затеял разговор, как прежде, с бесом,
Да зайка, киски испугавшись, скрылся лесом.
Известны братьям прежние Балды геройства,
Но госпожи пугают их своим трудоустройством.

Астрологический прогноз тропику Рака

Той, кто всегда с своей звездой,
Астрологический прогноз простой,
Под каждой пальмой, деревом, кустом,
Обед себе найдёт, постель и дом. ОМ.

Хамамная байка

Сложил бы оду своему народу,
Не будь здесь царства сказочных уродов,
Нелепо слепят таджики мне баню турецкую,
А хохлушки споют в ней мне песню немецкую:
– Натюрлих, я, я...
Це ж голівка твоя...
Сисясто и жопасто в мир глядит мадемуазель,
Клинически возможно прокачать любую щель,
Пора и мужикам всем в клинику бежать,
Мозги себе и яйца силиконом подкачать?
Лишь поутру внезапно заболит головка,
Как будто за распад Союза мне неловко.
За куриц, облетевших сказочные дали,
Чтобы покрепче там их петушки топтали.
За шилом шлём вождей мы в эротические дали,
По мылу прилетит ответ: – Всё сами прое@бали.
Поправить водкой бы головку, раз надуло,
– На сей галере выпить есть? – Галера утонула.
От вас ни боли, ни любви тем более не надо,
Я сам себе пастух и непослушных овнов стадо.

На исповедь проволочившейся содержанки

Ей бы замуж к олигарху,
Да всё маньяков хочется,
Всем состояниям дать маху,
Что промеж ног волочатся.

Попутный оргазм – весёлая сказка.
Но ведьмам по вкусу огласка?
С музой проспорить час-другой,
А ночевать – домой с судьбой.

Новые сказки о главном

Матильда! Ты не поверишь, но главный режиссер Яшкин бросил свою кикимору и сейчас мы с ним летим в нЯшКино!

Тесто рулетиком крутилось няшкиным,
Под нежный хруст от вафель «ЯшКиных». —
Матильда, хватит плюшкам быть поклоны.
На этом чердаке не всех застанут дома.

Чик и Брикки – уютные книжки,
Зайцы в шортах, в платьях мышки,
Лесом Мишки бродят с Пятачком,
А капитал шагает в каждый дом?

Лукаво стебутся на нас, как с детьми:
– Вам аисты хобот в капусте нашли.
И позлатят всяким мухам на брюхо,
Чтобы их тараканы пролезли в ухо.

И ради денег жмутся в клетки
Для секс-рабов марионетки,
Балерины, но – уже без пачек —
Неспешным менюэтом озадачат.

Папа с папой пройдут без трусов,
Свободней станет, новый мир таков?
Я в этой красоте себя не понимаю,
Рай сумасшедших и хата моя с краю.

Казался прежде унисекс постылым,
Порой унылосекс и мне казался милым.
Пусть глуп и заразен былой мазохизм,
Но если без пары, эта жизнь – онанизм.

Стартапёрам старпёрское

Московский полусвет чёрные ночи,
До денег алчностью он сказочно охочий.
Он в жажде чаевых за угощение чаем,
Лакей иных наград труду не знает.
Других судачите на нерест чудаков
Да ссыте мимо промеж редких кипятков.
Тоска зелёная в глазах у персонала,
Который день клиентов служба не видала.
И даже появление рядом одного,
Не радует в округе кассы никого.
Ах, господа, коль вам уже трудиться лень,
На кой вам черт этот рабочий день?
Вы бы сразу «Шлите денег!» написали,
Чтоб ваших же часов мы зря не отнимали.

Доступная среда в объятиях Кондратия

Доступная среда не всем пришлась по нраву,
В четверг – велосипедный бум сменил её по праву,
Дождик, потоп и с пятницей в ненастную погоду,
Неспешно гондольеры заплывают в моду,
В субботу – время отдохнуть от праздной ночи.
А воскресеньем – запаркуйся, что есть мочи.
Труднее, только, станет в понедельник,
Бордюры в поребрик переложь, бездельник.
Вторник – обратная пройдёт движуха,
Уже пилой жужжат над нашим ухом.
Кормить собак перед чужой охотой,
Потеть бессмысленной активности работой.
Летом пылить, пилить, зимой сажать,
Порочный календарь, ядрёна мать!
Не так отпил катать, не тех сажать,
Московский график жизни не понять,
Но под предлогом очень важной стройки,
Наш город превращён в засохшую помойку.

P. S. В том вечном бардаке смешно шептать на ушко,
Сплошной раскоп – чужим бездонная кормушка.
Расплата в мире сказочном банальна и обычна,
Другой мошенник оберёт, зато весьма прилично.

Заряжено к зиме? Восстановить кругом гештальт!
Плитка лежит, закатан по всем улицам асфальт,
Бордюры вдоль газонов и распилены в самый раз...
Когда придут копать Гортеплосеть-ВодоКаналоГаз?

Той зимой мы так и не успели прокатиться на велосипедах по новым велодорожкам,
как нас готовят к новым напастям?

Бесполезно судороги мышц при агонии организма выдавать за мощные фрикции
с железной эрекцией. Не будет фонтана живительной влаги, а всё вконец обильно изойдёт
остатками былой мочи от полного расслабления в объятиях Кондратия.

Арифметическая плясовая

Раз, два, три, четыре, пять!
Вместе весело плясать.
Прыг-скок, прыг-скок,
Веселее, мой дружок.
Шесть, семь, восемь, девять, десять,
Веселимся дружно вместе.
Прыг-скок, прыг-скок,
Веселее, мой дружок.

На войны и міры некрофилов

Не зря когда-то нас поэт Владимир Маяковский
Предостеречь пытался от влияния клоповских,
И что казалось няшной симпатичной Жучкой,
В итоге оказалось многозвёздною вонючкой.

Монарх и я – всё в тонкой расстановке связей,
Кто и кому служить за веру правдою обязан?
В рыданиях святош под всхлипы хунвейбинов,
Готовых нож в ночи воткнуть в любую спину.

Немало их, кто страждет триппером елейным,
Келейно кичится своим клеймом лилейным,
Из утюгов повсюду раздаётся громкий сучий лай,
– Добавьте на кровавость – Николай! Ах – Николай.

Моногамно, манитеизм любой одномандатности,
Под Херес, Хер и Херсонес, они не без приятности,
И пусть неизвестно, зачем это всё произносится,
Но сорваться с языка вновь неприличное просится.

Больная голова опять в округе не даёт покоя,
Кружит ногами, лбы крушит ночной порою,
Майдана пирожки или с лаврушкою из лавры,
Кони в манто – подмять Советов славы лавры.

Из ада возносить себе кумиров,
И выдавать за дело света миру,
Ответ – простым непотворением злу,
Со временем, даже безумные поймут —
Святые не нуждаются в заступниках,
А бизнес адвокатов – на преступниках.

Р. S. Махровые антикапиталисты и антикоммунисты
Махровость – результат или предпосылка к ненависти к миру?
Лысые – добрее от седины в бороде и бесу в ребре?
А что же я не такой добрый? Так я и не лысый, а щетинистый, словно ёж.
А при таком соседстве – иначе и нельзя.

Не байка о рыбалке

Чтоб рыбой в вольном овладеть пруду,
Простой наживкой можно оснастить уду,
Хотя возможно и невольною на донку,
Ворох крючков, резинки, сети от поддонков,

Всё без разбора причислять к рыбалке,
Следя за гладью рек с острогою на палке.
Порой и за тугой мошной, вместо мошонки,
На клёв ночной ведутся глупые девчонки.

Любовный потоп

В хлябях разверзшихся небесных
Мечталось о любви прелестней,
Не нужно ничего предпринимать
И только утопать в них, утопать...

О противлении злу безделием

Была бы праздность утомительной,
Не будь она столь заразной.
Уж две недели раз за разом
Я откосил от той косьбы,
Трава – зараза...

P. S. Противление злу безделием – самый эффективный способ не способствовать умножению зла? Или добро безмерно в иной мере?

Любовный треугольник

Любил я в юности брюнетку и блондинку,
Но на груди одной увидел жёсткие щетинки.
Затем блондинка про шалости мои узнала
И, соответственно, – в другую даль послала.

А мне бы женщину яркую, сильную,
Чтоб с глазищами синими, стильными
Не спускала свой пристальный взгляд,
С грудью упругой и русой косою до пят.

Два катета сошлись с гипотенузой в треугольник отношений,
Задаче этой до сих пор не найдено простых решений,
Слагают парами за общей суммой в квадратах,
Как будто корню ещё большей суммы надо,
Извлечь по разности углов наклона.
Для равенства штанин из дома,
Как Пифагор определил,
Эти штанины поделив,
Любовью на троих,
В углах других.
И это грех?
Смех.
0.

Ответ?
Где – да, там – нет.

Тогда и Цыпа полюбил жару июля с Юлей,
В «Комете» Севастополь – Сочи пулей,
А в сентябре уже с Наташей в бане,
Готовился к семейной жизни с Аней.

Наша любовь другим казалась ранней,
Из треугольников сложился многогранник,
Слагать о жизни сказки дальше не берусь я,
Зато, ты счастлив ныне со своей Марусей.

ЗЫ. Цыпе – студенческому другу и человеку-не-пароходу и нашим первым знакомствам с противоположным полом

А перекося фаз в соединении любовных треугольников чаще случается от неверного соединения обмоток звездой.

Золотая осень

Осенние марафоны параллельных и последовательных соединений света и красок во времени, светофор без условных тормозов. Красный, жёлтый, зелёный – всё сразу, и только тебе решать, что условно – стоять, пропустить паровоз, проехать по своему пути, где конечная остановка – небеса. И какая разница, что влюблён в этот мир нового лета, как мальчишка, её всё равно ничем не измерить и не разделить, ни в параллельном, ни в последовательном соединении, если ждать одной зимы. Любовные контуры – закрытые и открытые? А может, так и распахнуть глаза, развести руки с пластинами своего конденсатора как можно шире и слушать колебания любящих сердец, насколько хватает рук и ёмкости? И обнять всех любимых...

Сказ о денежном древе

В мире, которым правят грязные деньги, трудно и смешно воспринимать что-либо за чистую монету.

Я больше – бабник, чем поэт,
К избытку чувств уж рифмы нет.
О чём ещё с толпой судачить,
Где денежку зарыть или иначе?

Налог наложников на ложь,
Хотел, посеял, этим и живёшь,
Небесных царств утеряны дороги,
В пуху земли едва волочишь ноги.

Почти у каждого из народов есть легенда про древо, которое исполняет людские желания, и вот однажды мне довелось повстречать такое, которое, поговорив со мной, согласилось исполнить одно моё желание, жаль, что только одно.

А я по молодости и неопытности завёл разговор про деньги, а была у меня нужда в совсем простом, но до неприличия большом ворохе денег.

Удивившись, древо отвечало, что в его мире их вовсе нет, и предлагало взамен поделиться своими плодами, но я продолжал настаивать на деньгах, описывая дереву, как они выглядят – зелень, золото, листочки с прожилками и неповторимым рисунком, с которыми легче дышится у нас на Земле, – и как выглядит много мешков.

Дерево вздохнуло, что ему теперь всё понятно и тихо ответило, чуть шевеля листвою:

– Так и быть, но тебе придётся подождать, твоё желание созреет не сразу, впрочем, как и всё в моем мире.

Я поверил ему и целое лето ждал, любуясь то зеленью листьев, вдыхая воздушную свежесть, то золотом опавшей листвы и хрустом её под ногами, напоминавшем о шелесте новых купюр, складываемых в мешки, но так и не дождался того, что попросил. И сказал я дереву, что оно глупо, как дерево, и ничего не смыслит в земных чудесах.

Ничего не ответило оно, просто поникло ветвями и тихо засохло от обиды. С тех пор я не прошу никого мне дать даже малую толику из того, что он никогда другим не делал.

Впрочем, у каждого дерева своя история. Есть ещё те, что для леших с кикиморами остаются надёжным зимним домом, без любых денег, а не найдётся сказочных им героев, то и простым пернатым.

А мимо неспешно проплывали облака, и каждое приносило свою очередную новость, что сегодня ты – богач, затем что снова ты – бедняк, потом что у меня всё есть и всё уже было выпито до меня, что где-то лето, что у нас будет весна и что где-то выросло новое древо.

И в прочих хрониках мелькало, что в тёплую компанию срочно требуются собутыльники с запалом и без, тёртые калачи, которые сколь жизнь не три, только делает их чуть потёртей и крепче.

Чеховскому фестивалю цветов в городе Истра

Там дама гуляет со своею собачкой,
Шестая палата, подушка, заначка,
Да только в забытом вишнёвом саду,
Я Чайку с Каштанкой никак не пойму.

Места есть, где знают, как надо стараться,
Чтоб вечно при этих несчастьях остаться,
Здесь детские души за аркой любви,
Где рядом страницы могилкой легли.

И толстое в тонком неспешно худеет,
А Анну в той книге повесят на шее.
Идей фестивалей немало прекрасных,
Но главный фонтан отключили напрасно.

P. S. В городе должно быть всё прекрасно – люди, дома улицы, фонтаны.

Мелких ошибок системные сбои,
Они неизбежны со ржавой трубою,
И если ошибки случались случайно,
То сбои системы вокруг постоянны.

Система качества

Я оттого такой в любви самоуверенный,
Что секс меж нами тысячи раз проверенный.

Тётя может

Цепочкой тянулись сосиски для теста,
Тонки и длинны, как для брака невесты,
Ложились достойно сардельки, шпикачки,
Там мясо из грудок, шпик, нежные ляжки.

Под пиво за ужин этим летом в жару,
Можно на завтрак пару раз поутру.
Кто на морском песочке свою лолитку встретит?
Где розы на чулочках и талия в корсете?

Дожарить остатки колбас «Хулливер»,
Отцу на батон... А злым дядям – на херр?
Жара, туристы, сплошная мяса круговерть,
И роммштайнам – хорошо, что эстетам – смерть.

И каждым килограммом мясо всех пытало:
– Вам на жаре бабищ вульгарных не хватало?
К чему ещё полупрозрачные намёки?
Арбуз же – ягода, вкушайте его соки!

Неприкасаемые отличники

Цель всякой резвой сестробратии,
Запутать нас в простых понятиях,
Заставить мир их денег уважать,
Всех модных начинаний с точки пять.

Куда бы ни бежали их алчные потомки,
Пакуя скарб по чемоданам и котомкам,
Входя сильнее в загребуший раж,
Заставит жизнь всех оплатить багаж.

Средство от волнорезвости

Песок обсыпал бархатом пляжа,
И соль на губах, как белая сажа,
А волны ласкали уютно и нежно,
Это море казалось безбрежным.

Обычная миссионерская позиция

Аборигенам, чтоб надежд на сеть не возлагали,
Запрет на сети государственный издали,
С указом, где обяжут дорогой удою рыб ловить,
В кредит оформят, раз пора уду купить.
Довольно местным рыбой всякой обедаться,
Пора пришла всем на большой уде кататься.
Наполнилась власть мыслью высшею сакральной,
Дать перспективу на погост всем ритуальный.

P. S. Между девочками порой шутят, что не всякий кто от Бога, а люди-тряпки нужны, чтобы было из чего вить верёвки.

Крепитесь, или Стенания русского палестинца

Жара – потеют, всем обидно, грустно даже —
Город-курорт, и как ему без собственного пляжа?
Кругом прошёл захват охранных водных зон,
К чему аборигенам лето, сей причудливый сезон?
Если к просторам водным больше не пробиться,
Без витамина Дэ в хроническом рахите укрепиться?

В поисках истины

Известно, что агрессия бывалых сучек
Порой растёт от случки к случке,
А кобелей весьма игривое влечение,
Уходит после случки в два мгновения.

В итоге – вдоль заборов визг и лай,
С утра до вечера тревожат тихий край.
А человек? С виной любви – тонуть в вине,
В поисках истины в себе или вовне.

Р. S. Растеряв последние хвосты, теплокровным выражать свою радость приходится – показывая зубы. А где ты сегодня прячешь свою кундалини? Как в процессе эволюции пресмыкающимся ящерам, от испуга теряющим свои хвосты, удалось победить великих крылатых огнедышащих драконов? Может, им помогла обычная способность безхвостых скрывать свои истинные чувства и эмоции, а умение накладывать на лицо маску, только сильнее развило способность к лицемерию.

Хохлома и хохланд

Мучачо и мучача нахлебались крепко чачи,
Любовь пора с романтикой переиначить.
И если б СЭМ¹ и бабы по-другому назывались,
Мы красотою этой чаще восторгались?

На нашу Матильду не будет смотрин?
Кушать больше меньше вашей водки,
Отодрать бы сразу этих наших балерин,
Фантазийные на них надев колготки.

Коровы в шкурах зебры и газелей,
Кисок, лисичек и прочих параллелей,
Да, дядя крепко словом занемог,
Их камарилью дальше вынести не мог.

Задиристым стало неприкасаемых племя.
А что поделать? Тьма и их настало время,
Пока одни плодятся, словно тараканы,
Другие дурачком сидят, как истуканы.

Хохландцы скромно плавят сыр,
Как прежде краски трут хохломичи,
Самых угарных уже след простыл,
Лети зегзицей, скачи за ними, не скачи.

Мы москали, и здесь немало чудаков,
Зовут бежать от местных докторов,
Учителям при осложнениях стало тесно,
От лекарей известных, но не местных.

На ватность вялых членов уповая,
Чужих мощей себе надуманно желают.
За Чучу в танце по качуче нахлобучить,
За киску бритую талантливо прищучить.

С пельменями завал, ими полна тарелка,
Первый, дом-два, тампон, метеоризм и грелка.
Ещё есть на культуру гранты и гаранты?
Аборигены – всё же мы, а не мигранты!

Народу трудно жить в своей стране,
Пока её министры служат сатане,
Администрации ценнорублёвские соседи,

¹ СЭМ – самогон. – Примеч. автора.

Волками рыщут, пока дремлют медведи.

Утренний звон, немало дум наводит он...

И сколько их с двойной подкладкой
Охотников по жизни этой сладкой,
Дождёвывая мякоть следующего тела.
Кричать о нравственности смело.

Стенать, терзать за души нас и плакать,
Взрывая мозг, колоколами утром бахать.
Спасайте лучше свою женщину украдкой,
Тела встряхнув зарядкой для порядка.

Или сойдем чистым светлых тел и душ,
А напоследок – прямо в звёздный душ,
Раз не устал от важных жизни процедур,
Во рвении исполнять капризы умников и дур.

Слова мои – без всякой тени укоризны,
Всё чаще стороной хожу от вашей жизни,
Дальше свою, по воле хотя я влачу,
Кого люблю, тех видеть буду и хочу.

Всё кончится, что было прежде не со мной,
Случайность прежних расставаний с головой,
И эта ерунда, что мир кружит, затеяна не нами,
Кому-то в небеса, а кто на шею плакать к маме.

P. S.

– Зря вы так из штанов выпрыгиваете, сюда попадают другим путём – тихо улыбалось
Облако-в-штанах, проплывая по обетованным небесам.

Волнительный резонанс – если существует состояние панического страха, то есть
и состояние панических радости и счастья. Так окружающий мир отвечает на те волны, кото-
рые вы излучаете у прямых зеркал.

Одна детская лошадиная сила

По дому раздаётся ножек детских топот,
А вслед за ним летит собачий лай и хохот,
В круговороте кутерьмы полёте сладком,
По мощности – от силы в детскую лошадку.

– Дедуля, мы резвее ветра? Это мне скажи?
– Ты молодцом, лошадка! Ветру докажи!
Мне мыслей детских даль одна видна – Туда!
Скакать, вперёд! – она смеялась, глядя из окна.

Цвет папоротника, или Споры о спорах

Среди людей и по сей день не утихают споры —
Их жизнь бесцветна — нет причины сеять споры,
Ведь здесь чужих могли плодиться детки,
Рождённые в тепле уютной женской клетки.

В сиянии слияния крестов материи и духа,
И с опытом старух в цветах случается проруха.
Хотя и в отражениях перекрестий опыления,
Ушей мужей увидеть зайкам в третьем поколении.

Огромная удача, что с тобою мы не переспали,
Возможно, это — лучшее, что было между нами,
И дело не в наличии или отсутствии болезней,
А только в разночтениях в назначении поэзии.

Каменный пряник

Я вам – ангел, я и бес
И за камнем в гору влез,
А когда устанет странник,
Он покатится, как пряник.

Рядом тужатся Сизифы,
Сочиня свои мифы,
Кому камень, кому крест,
Кому с курицей насест.

Камень, ножницы, бумага,
Что приносит больше блага?
Сжать ладошку и разжать,
Кукиш с маслом не видать?

ЗЫ. Мы – люди, путающие крест Ини с крестом Ян, крест Материи с крестом Духа Перепутаница? Вот и вышиваем по жизни, путаясь в кнутах и пряниках. Результат человеческого труда не имеет положительного результата, когда миром правят алчные идиоты, от того и выходят их лучшие хотелки обычным каком.

Кофе без обязательств

За чашкой кофе поболтать о бабьем лете,
Такие лета, что от них держать в секрете?
Он непростой бариста – из заветного подвала,
Волшебный кофе – одной чашки было мало.

Есть зерна кофе под глазурью шоколада,
Ты, как ребёнок, была пенке и корице рада.
Арабика, робуста, хочешь – профильтрует?
К печенькам страсть? Возьми себе любую!

И был бы я волшебник, как этот бариста,
К рукам тебя прибрал бы за печеньки быстро.
А так, я не волшебник, сказочник простой,
И каждый мчится ночевать к себе домой.

Искусство сопереживания

А в полночь перфоратор он отложит.
Стакан махнёт и сядет за рояль...
И тут сосед его придёт, поможет
Лететь ему в окошко птицей вдаль.

Искусство сопереживания заключается в способности не переходить за грань, за которой бесталанные пытаются талантливо нагадить в душу.

О хронических заболеваниях третьего глаза

Потерялся третий глаз? А как можно ещё назвать седьмое чувство, позволяющее охватить взглядом окружающий мир с многих точек зрения? Оно зарождается в глубине души, и через сердце связано с разумом и иногда называется совестью.

Когда разум отказывается прислушиваться к сердцу и игнорировать соvestливый взгляд, третий глаз атрофируется как орган чувств, а в сердце селится боль, переходящая в хронические заболевания.

Трудно отыскать гармонию мира, не найдя её отражения в себе, а захочешь избавить сердце от разума, окажешься среди сердешных дураков. Там и будешь в их компании дурак дураком страдать от змия, ловя в горячке своих зелёных чёртиков или изгоняя чужих покемонов.

Пирату Джеку Воробушку, Рыцарю пыльного образа

Ваш воробей, конечно, меньше, спору нет,
И пионеры не пришлют свой пламенный привет,
А как ещё, как не обнёсшись этой егозой,
Отважно сохранить пиратский образ свой.

Но пионерки не напишут Джеку Воробью:
– Всегда готова, хоть чиста и вас люблю!
К чему рассказы пошлые о дредах и косичках.
Когда в деревне той дома горят, как спички.

Среди князьков случайные разборки,
А по деревням ходят злые кривотолки.
И на большой дороге жить не хуже, чем на даче,
Когда такой вам образ присобачат.

Не ссы своих соседей, маленький пират,
Пусть твердят, что судном мелковат.
И образ пыльный Деппа лезет на глаза.
Зато вокруг тебя блистает кругом «Егоза».

О вздоре молотого перца

Ваши волнения в летах понятны,
без перистальтики – отвратно,
волнения кишечника и сердца,
а к чувствам не хватило перца.

Р. S. Совершенствование чувства самообладания во взаимодействии с противоположностями избавляет от углублённого изучения способов самоудовлетворения.

Реквием по сухоцветам иллюзорного гербария

Да, я – простой унылый и усталый бес,
Который в летний сад случайно утром влез,
В костюме фиговой листвы от самого Адама,
До осени тревожить сердце юной дамы.

И снова в мыслях только пара слов
Сны разделяют души холодом оков,
Мы к чувствам дружбы менее готовы,
Чем из любви к себе посеять споры.

И в перепалках подлежащего с сказуемым,
Сверх меры стали все беседы предсказуемы,
Тебя уже и холод ветром в душу умиляет,
И чья-то вялость в членах тело окрыляет.

Нас отделило не пространство – пропасть времени,
Смешные встречи в обстоятельствах без бремени,
К чему тебе ещё рассказы о наборах латыша,
Про ватность членов там, где тонкая душа?

О добре, зле и дребедени

На рождественском посту,
Как на памятном мосту,
Кто рыбачит за уду,
А кто ходит попросту.

Пока живёт в тебе мужчина,
Ты жизни первая причина
И жизнь ясна, как ясен пень,
Всё остальное – дребедень.

Я – нож, ты – ножны без точила
Меж нас искры не проскочило,
А без огня не будет дыма.
Трёмся, скользим, проходим мимо.

Тебе всего казалось мало,
Страстей боялась как пожара,
Чтоб жить без мата тихо, мило,
Везде соломку ты стелила.

А по весне они расстались.
Внезапно стёрся старый пень,
Соломой прелой укрываясь,
Грустит и плачет дребедень.

Соберёшься, бывало, добро совершить, глядь, а зла не хватает. А начнёшь его соскребать по сусекам да накапливать, так добродушие мешает. Так и живём дружно. Маниакальное умножение собственного добра порождает планомерное зло.

Как спасти мир от зла? Единственное зло, от которого я могу спасти мир. Это – моё собственное, а если чрезмерное добро и есть источник зла, то и эту истину придётся испытать до дна?

Обычная история, если судно захвачено пиратами, которые стремятся нагнуть одних кочегарить и драить палубу, пока другие будут хозяйничать в баре и бассейне с девочками. А любить мир спокойно можно будет лишь тогда, когда все паразиты окажутся на рее.

Метания властителей между Бахусом и Золотым Тельцом снова стали актуальны? Но к лицу ли человеку разумному чахнуть над златом? И ведь становится понятно, откуда появляются Кошечевы цифры статистики о снижении продаж табуретовки и бодяжного вина, из которого в парках недобитые большевиками помещики и буржуины будут мастырить глинтвейны, спаивая трудящихся и молодёжь, с атрофированными посредством хмельных «отвёрток» и синтетических энергетиков вкусовыми рецепторами. А творческие личности тем временем, благодаря своей смекалке, значительно упростили технологии и сократили пути, убрав лишние звенья в цепи по достижению nirваны и поклонении великому Бахусу.

А нам, пернатым, что до них – пьющих, хоть горячее, в поисках чего-то, чуть шевелящегося?

И если Творец создал мир для добра, то и зло наказывающее и истязующее само себя, служит добру?

Западничество или западня? Яма, слишком глубоко вырытая другому, рано или поздно становится твоей западней. (Из моего кладбищенского юмора.)

И как понять, что вами кто-то пытается манипулировать? Если кто-то пытается на твоей кухне объяснить, что ты какой-то не такой или неправильный, значит, к тебе пришли просто выпить, поесть и нагадить в душу, чтобы уйти налегке, прихватив с собой в коробочке остатки торта...

Ягода манила в лес, а возле леса уже комарики ждут – не дождутся, под белые рученьки заботливо подхватывают и прямо в чашу относят:

– Кушайте нашу малину, пока мы вас кушать будем. Доедим – вынесем, все сыты будут.

– Ирка! Я комара проглотил случайно!

– Отлично, ты же не ужинал, а так – поел.

Избыточное добро обычно возвращается сдачей с небольшой толикой зла.

Или с дачей с соседями, которых тревожит околачивание вами груш настолько, насколько от отбрасываемой ими тени вянут их помидоры.

Только вечно голодные молодые люди, могут сами считать себя великими художниками.

Остальные – скорей, удачливые и сытые торговцы конъюнктурным сеном с упитанным брюшком.

Драма с охотой

– Чем крепче горилка, тем красней шапочки и моложе их бабушки. – уходили в очередной раз на охоту охотники, знающие лес и не чурающиеся радостей секса.

– Бабушка сказала, чтобы больше никаких пирожков, а только дрожжи, и не желей сахара для браги в корзинку, так как охотники начинают догадываться, что не тех и не так спасают, – напоминала маме повзрослевшая Красная Шапочка, уже изрядно располневшая и с лицом, цветом и лёгкой измятостью похожим на шапочку, но благодаря яркой алой помаде продолжающим имитировать некую девичью бледность румянца.

Серый Волк тем временем уныло брёл в аптеку с бабушкиной социальной картой, проклиная авторов сказки и прикидывая животным умом, чтобы не забыть в этот раз – пластырь, «мезим» или презервативы... И черт дёрнул меня дёрнуть за ту верёвочку в лесной избушке... Опять эта аптекарша будет глядеть на карту и допытываться, а отчего у меня такие большие зубы и испуганные глаза...

Вместо P. S.

И как бы ни были прекрасны ножны,
Их без кинжала суть пуста и ложна.

Чтоб не бросать тень на плетень,
Мной сложно был описан старый пень.
От злой любви никто не застрахован,
А значит, к доброй путь вам уготован.)

Золотая осень под туманностью Андромеды

Лета разбитые осколками мечты,
Неспешно волнами листвы катила ты.
– Жаждете золота? Милости просим! —
Нас в воды зазывала золотая осень.

В гуще листвы случайности кружений,
Не верю я в случайность совпадений,
Ведь и земля стремится по спирали.
Где звёздность душ, где верили и ждали.

К чему накал этих египетских страстей,
Осенних марафонов грусти и соплей?
Мы школу в сентябре проспали без затей,
Зато и чистыми места остались для детей.

P. S. К 70-летию публикации «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова.

Автомат и мартышки

Глупеют папуасы без конца и без начала,
Чтобы корова их воинственной мычала,
Монументально трудятся с скульптурой,
Забыв, что изначально пуля – дура.

Кудесность метаморфоз со спермой морских ежей

Асексуальность человеческой природы
Для постных лиц исподтишка диктует мода,
Усеян путь прыщами от белковых голоданий,
Мелких уколов просветлённости созданий.

Кудесность мощных струй ежей морских
Разгладит рябь морщин нетленностей иных,
Баланс поправив коллагенов эндогенных,
Медуз мифически и исторически бесценных.

Р. S. Медуза Горгона является знаковым символом для современных феминисток. —
Примеч. автора.

Недолюбленные природой

А впрочем – жаль, что мы и вас недолюбили,
Быть может, все тогда вокруг счастливей были,
Вокруг бы нас резвились и плодились наши дети,
А так – чужие расплодились по чужой планете.

Царство пленённых в обязательствах титанов,
Освободить пыталась золотая осень рьяно,
Летели прочь с неволи окольцованные птицы,
Полярных дней – лишённых ночи с молодницей.

P. S. Любить природу – вашу мать

Недолюбленный мужчина несёт меньший заряд агрессии к окружающему мир, потому что чаще находит причину в себе, а недолюбленная женщина – в её окружении. Сомневайтесь? А тогда почему мужская импотенция случается чаще женской фригидности?

Что касается практик самоудовлетворений, то, как писал Лев Толстой, каждый случай различается в однообразии и различии в степенях определения личных состояний счастья и несчастья от случайностей выбора.

О случайных взаимодействиях точек цы

От агентов «Синьхуа»
В мир несётся чепуха:
– Нету Хотя без раздумий.
Ты – о хлебе только думай!

Часть противоположности,
Порой – без осторожности,
От волнений точки ЦЫ,
Пробуждались молодЦЫ.

Ну а как же молодИЦЫ?
И у них вздымались ЦЫ-ЦЫ.
Случай рока и случайности,
Тока волнений постоянности.

Жизни все множественные – ДА!
Возможностей подвижная вода,
Неверных нот лишённые мгновения,
И только у меня – нет, да, наверное.

Р. S. Косность сознания отрицает возможность необдуманного взаимодействия противоположностей, подменяя их обдумыванием всех вариантов походов за насущным хлебом, забывая о соли.

И если выходя за хлебом, может, и нет, а вот если зайти за солью к соседке – а там неотложно требуется вбить гвоздь, всякие чудеса случаются.

О взаимодействиях противоположностей в точках цы

Из всех знакомых мне районных депутатов самым весёлым был дядя Миша – дежурный сантехник ЖЭКа. Хотя он и пропускал заседания, зато мог рассказать массу историй о причинах засоров и подтекания прокладок, почти у всех партийных и беспартийных активистов района, вплоть о тех, за кем по навету мужей присматривали или прослушивали с чердаков либо из подвалов домов.

Оттого и уклонялся он от необдуманного секса, чаще некоторых любителей ролевых игр в добрую хозяйку и злого сантехника, быстро уходя от отдельных ЦЫпочек на ЦЫпочках.

Промежности пространства и времени

Немало кто застрял в промежностях у времени,
Лютый песец или большая жопа всему племени,
А ведь был миг и в том бушующем страстями мире,
Путь в наше будущее мы своей любовью оплатили.

P. S. Промеж прошлым и будущим

Промежутки времени между началом и концом могут оказаться его промежностями
меж червоточин пространств белых пятен на чёрных дворах и черных дыр в белых пятнах.

Хотя всегда найдётся нетрезвый конференсье, который по бумажке внесёт путаницу
в слова песни про нежность.

Мерим любовь шагами

Один мехмат проинтегрировал романчик
С одной девицей, раз и на диванчик...
Потом душевно потрепались про ЭМГЭУ
В порыве страсти романтическом:
– И я МоГУ, кондитером в гастрономическом,
Усилия приложила титанические,
Раскрыть свои таланты поэтически,
Попасть в училище, где она всех порвала, —
Девушка задорно парню отвечала.
А он, увы, её понять совсем не смог,
И жизнью сладкой с нею пренебрёг,
Друзей не оценив гуманитарных шуток,
Про к сердцу путь через большой желудок.
Такой упитанной, воспитанной приятно массе
Не в силах был студент сопротивляться,
И масса очень быстро одолела идеал,
Его в ЗАГС с ускореньем отпинав.

Одних чувств часто мало. Хочется испытывать все их оттенки, не совершив последнего рокового шага от и до.

Многие привыкли мерить любовь словами, а она измеряется шагами. Это лицом к лицу лица не разглядеть, а один шаг в сторону от слепой любви позволяет разглядеть всю глубину искренней ненависти, испытываемой к вам любимыми вами людьми или порой целыми братскими народами...

Или с любимыми не расставайтесь ни на шаг, чтобы потом не расстраиваться?

Или семь раз отмерь, да и хоть раз отрежь...

И чем человек становится мудрее, тем шире его шаг от любви до ненависти.

ЗЫ: МоГУ – московское гастрономическое училище (архаизм).

О правильном делении одиноких клеток

Венцы природы с памятью девичьей
Меня смешат своим величьем,
Простая суть того величья в том,
Родиться клеточкой с хвостом
И в нужный час, и срок примерный,
Одним броском в толпе безмерной,
Малявкой в чрево устремиться
С клеткой большой совокупиться,
В пространстве время не скупится,
Когда есть повод – всем делиться.

Зачем живём? Подбросить пару живчиков соседке, случайно забежавшей за солью, да проболтавшейся, что и конца того нет, чтобы той солью посыпать, и ножи не наточены.

Будешь всю жизнь рассказывать сказки о том, как тупил свой кинжал о чужие тупые ножны?

– Никогда не пытайтесь делить свои палочки на нолики, так вы навсегда потеряете их целостность! – строго-настроено запрещала нам наша первая школьная учительница и эту математическую аксиому о неправильном делении повторяли учителя математики из класса в класс. И только когда другой математик заявил, что научился управлять Вселенной, а в бороду стала закрадываться седина, какой-то бес толкнул в ребро, что миром управлять совсем просто, меняя палочки на нолики, а нолики на палочки. Получается, будущее может изменить настоящее, глядя на прошлое... Чем крест животворящий отличается от сотворённого перстами? Он и есть истинный множитель для жителей Земли Люди! Не откладывайте потомков на потом.

Старинные сказки и азбуки хранили в себе напоминание о фрактальности мира. В них имеет значение и хранит образы каждое предложение, слово, буква, ударение для сотворённых не пальцем.*

Билет в один конец без багажа

Перевозчик Харон сказал, что перевозит души без скарба, взять на берегу один билет, а монетку, схороненную для него за щекой, лучше бросить в воду, если охота вернуться обратно на этот берег.

– А что так?

– Лодка такая, только души возит и ничего лишнего, и то, не более одной души за раз.

– А обратно?

– А обратно только самостоятельно, даже я не могу никого без билета взять на борт.

Р. С. К чему я это? Зачем человеку даются деньги? Чтобы с их тратой жизнь становилась легче? А для чего даётся жизнь? Для того чтобы научиться её ещё более усложнять? Всё как обычно, в вопросе про зачем живём вопросов всегда больше, чем ответов.

– Я научу тебя делиться так, чтобы стать человеком, – шепнула в ночи одна клетка другой... – Пора уже всем рассказать, что счастье не купишь, деньги не съешь. Что самая лучшая пробирка – это та, что стоит у твёрдо мыслящего сапиенса, что самые голубоглазые яйцеклетки несут в себе жизнь для богатырей, и что самое вкусное и полезное молоко в тёплых и упругих пирамидках свободных от силикона. Для чего нужны рецессивные гены? Для поддержания популяции себе подобным по рецессивным признакам или свободой вне поддержания.

Грубая материя очень часто доминирует над тонкой, но право выбора каждого ещё никто не отменил.

По одному из Законов природы, где пестикам, всё ещё пытающимся игнорировать существование тычинок, приходится сочинять весьма спорные басни матриархата, научно отступившего от традиционных священных текстов, где чёрным по белому написано, что жизнь зарождается в мужчине, а все последующие этапы – сложные фазы оплодотворения, трансформации и развития оной.

Хотя есть и другие экспериментаторы, пытающиеся вывести организмы с двумя Y-хромосомами или практиковаться в почковании.

А ОдинОчество, это как из мифа про Циклопа, когда вокруг народу вроде много, но они из другого измерения и глядят в Оба, и в декларируемой свободе вольный человек легко разглядит верёвку, служащую, отпущенной кем-то мерой той свободы.

Мы такие разные. Говорят, что женщины даже моргают вдвое чаще мужчин, хотя каждый из нас полчаса своей жизни был одной-единственной клеткой. Вырастая, становится колонией одноклеточных, являющейся одновременно транспортным средством и питательной средой, пытающейся любым путём уклониться от целей намеченных её создателями.

И в механизмов взаимодействия Нави и Яви не важно как, а важно зачем и когда. Увлекаясь контролем за пространством, ведуньи теряют контроль над временем, то могут повторить судьбу Яги-Бабы...

Есть вещи, которые всегда есть, но вспоминаешь о них только, когда их нет, – мука, соль, КаЦе, вода и Мыло.

А как выглядит счастье? Его можно попытаться отлить в бетоне, сложить из камня, выточить из дерева или отковать из металла. Но оно всегда хрупко и ускользает как мыльный пузырь, когда пытаешься покрепче вцепиться в своё счастье обеими руками. Можно,

конечно, растянуть покрепче щеки, выдувая пузыри побольше и потолще. А можно их дарить друг другу вместе с радостью, эти хрупкие Радужные отражения реального мира...

Услышав одну историю про самую большую женскую печаль о продаже ни разу не ношенных детских ботиночек, прокатились воспоминания о порушенных могильных плитах с эпитафиями, объяснительные записки и навеяло мужскую печальку из четырёх слов. «Просроченный ливер оказался просраченным...»

Машина времени с циклическим продвижением на Ять, а Мера жизни – зря прожитая яйцеклетка. Если звуки Ферт и Хер не смогли спеться в созвучии и её жизнь стала короче на одну, зря израсходованную, ЯТЬ.

P. S. От англ. Live – жизнь, liver – хотя и колбаса, и сосуд, цилиндрической формы, для переливания жидкостей из одних вместилищ в другие и ещё много чего.

Тайна улыбки с картины, или Зачем звезде рукав

Кто верил и был собою смел,
Тот вволю райских яблочек поел.
А кто зубами был не дюж,
Объелся перезрелых груш.
Лукавство улыбки одной
Исправить пытался художник,
Но нет целомудрия в той,
Хоть к ране приклей подорожник.
Вздохнул и пришил, недовольно икав,
К оной звезде хитромудрый рукав
Как будто и там понарошку,
Играют для пользы ладошкой.
Из светских бесед о хрене

– Хреново! Он, как Гадя, во мне теряется – отвечало на вопрос о взаимном сосуществовании с Петровичем одно сосущество, износившее за свою светскую жизнь уже не одну пару губ.

Переспать можно повторить, а недоспать так и останется недоспать, сколько бы дальше ни отсыпал.

Иногда ожидание смены погоды вызывает реакцию всего организма в виде локального шторма и тогда, чтобы уснуть рекомендуют считать овечек...

– Раз такой умный, посчитай мне, пожалуйста.

– Хорошо, но на сороковой ты уснёшь! – шучу я и начинаю медленно считать, ожидая в конце взрыва хохота, а взамен услышав ровное, тихое посапывание ровно на сороковой овечке и увидев безмятежную улыбку спящей.

А как удастся получить улыбку Моны Лизы? Один знакомый фотограф утверждал, чтобы фото получилось естественным, следует забыть про то, что должна вылететь птичка, а вспомнить, когда у вас последний раз случался секс. Ишь Леонардо да Винчи, тоже какой Рафаэль. И если вместо улыбки на лице появлялась маска недоумения, он добавлял, что не тот, что пришёл по расписанию, а с тем, самым любимым человеком...

От любви до ненависти достаточно одного шага, как на пути от белого полотна до чёрного квадрата хватит пары мазков валиком. Каждый сам отвечает за толщину и глубину штрихов или ищет виновных в собственной нерасторопности в обращении холстом и красками.

Мода на блеф... В жизни у многих Бель Дюк наступает момент, что уже пришла пора играть роль порядочных женщин. Талантливые художники изо всех сил стараются этим бывшим красоткам помочь и с помощью простой смены образа стереть из памяти воспоминания об их печальном прошлом... А Киса с умным видом становится в любимую третью позицию – никогда Бельдюга это не наденет. НИКОГДА!!! Проще продолжать закидывать ноги не взирая на симптомы звёздной болезни... Когда тебе говорят, что ты СТАРа или супер-старА, а ты начинаешь отнекиваться, мол, да какая я там звезда... А думая о звёздном рыбьем супе, уму становится непостижимо, сколько золотых рыбок изведено почём зря, на починку звёздных битых корыт. И зачем женщинам нужны дохлые мужики? И почему дамам доставит особую радость общение с человеком, подобно подхваченному ветром листу, улетающему за каждой красной юбкой?..

Любая мания рождает фобию... Избавьтесь от маний – исчезнут фобии... И Отказ от пребывания в Бытии означает лишь переход в Небытие, ибо Время есть Твердь. Так утверждали предки в азбучных истинах, пусть порой и в противоречивых формулах, подобной этой: «Толстый, да человек худой».

Сегодня поиграл с женой в поносить ее на руках. Взглянув на мир с новых высот: «Ой, а там сколько пыли!» – удивлённо воскликнула она...

Дальний космос, ближняя Вселенная – они не только снаружи, но и внутри каждого измерения, ограниченного тоненькой ленточкой Мёбиуса и считающего себя венцом творения природы, а и космический мусор, вдохнув каплю земного воздуха, на несколько мгновений кажется со стороны ярчайшей звездой...

И чуть не забыл сказать, что объектив не рисует ничего нового, а только проецирует нам объективное состояние объекта или образа обыгрываемого актером в момент съёмки, а насколько точно – результат мастерства фотографа.

О масштабе вероятностей и совпадений разлёмов для пистонов:
– Чем крупней ХерЪ, тем с большей звездой ему предстоит случиться или наоборот.

Противоестественные кошки-мышки

Три года любви, почти безнадёжной,
Касаний, объятий и встреч осторожных —
Чёрный кот играл с мышкою белой,
Вонзаясь когтями ей в душу несмело.

Юля часами, буднями и мыслями,
Забег по кругу стал бессмысленнен.
И между всеми надо, мочь или молчу,
Нынче яснее видно, чего более хочу.

И сладость горечи калины красной
От горьких мыслей помогла прекрасно.
Благодарю! Мне с вашей помощью
Удобней оставаться редкой сволочью.

#3Ы. Виртуальные кошки пластично играли на искусственном газоне с цифровыми мышками.

Сказ о Герде и неприкаянном Кае

Во снах являлся сфинксом или крылатым фениксом,
Хоть наяву в объятиях – сжимался спящим пенисом,
И как селянке юной за коня его железного хватать?
На кой их в избу и с конца какого спящих целовать?

В сиянии холода и важных дел от королевы Снежной
Не может разум ледяной согреть девичью нежность,
Блистают вечности кристаллы, навек сковав икры огня,
Живая истина из мрака, кометой в мрак хвостом маня.

К чему девице речь, за сладкий сеновал без кузнеца?
Чтобы потом с другой женой делить своих детей отца?
Какой бы вещей песни существо перед тобой не распевало —
Павлин-мавлин, пушистый хвост при бесноватости начала.

P. S. На власть над разумом разумных жён,
Решайтесь сами – я давно не претендую,
А неразумные, страдайте с теми, кто влюблён,
Раз так удобней телу, к боли – не ревную.

Поэт как хрупкий проводник без фальши
Матерных слов людям от своих муз,
А вы волнуйтесь, как хотите, дальше,
Балласт эти слова или полезный груз.

Песенка старого коня

Любовь и Нежность навсегда
Коней впрягают старость в сети,
Для Старости – невелика беда,
Не будь иных страстей на свете.

И бороздят мир пожилые кони,
Упрямо упираются копытами,
Покуда молодые топают в загоне,
С пустых идей башкой набитую.

Мерещатся им вспашки трудности,
Пугает тяжестью работа и заботы,
Мыслей про бедность, ворох глупостей.
А конь? Ему и в снах пахать охота.

Только свою ровней держите борозду,
Вам не грозит спасать избу пожаром,
Не тормозят конём, хватаясь за узду,
Он сам стоит, лишь называясь старым.

Короткое свидание с музой

Я буду тобой любоваться
Вдыхать ароматы тела,
И можем затем целоваться.
В объятиях крыл твоих белых.

В – игре! Или она висит в окне?
Ею уже не правит приложение,
Но крылья хотя сожжены в огне,
От коготков отточенных движения.

Играм страстей неважно положение,
Я больше в ней или она на мне,
Забытой духа анатомии строение,
От рваных ран на сердце и спине.

О любви чёрного барина к белой овечке

История любовная,
С хочу – но не могу,
Окончится в безмолвии
У мяса для рагу...

Сон парного шелкопряда

Лёгкий поклон посвящается всем воспарившим друзьям

Ещё вчера у него было два центра лёгкости, оперируя одним из них, он легко упаковывал зелень, листочек за листочком, а вторым научился сжимать время в тонкую невесомую нить и казалось, что и его гусеница пребывает на самой вершине гусеничного счастья.

И неожиданно критическая масса оказалась непреодолимой для живой гусеничности и с потерей былой лёгкости, жизнь обернулась неведомой доселе кукольностью, и пусть лапами можно ещё топтать, как слон, но чашки уже вываливаются из рук, превращающимися в невесть что под одобрительное, что посуда бьётся к счастью и стало совсем непонятно куда уходит нить времени и срок твой наматывается или отматывается, а вместо центров лёгкости, под покровом из рёбер, сжимается и пульсирует вновь сформировавшийся центр тяжести.

Эта ночь показалась самой длинной за всё лето от последнего рождения, предусмотренного гарантиями Создателя, и следующим утром наступит очередь проснуться или живым камнем, или чешуйчатым пресмыкающимся, или чешуекрылым пернатым из калейдоскопа снов, следующих своей чредой в вечной борьбе центров тяжести и лёгкости.

И когда он научился оборачиваться в паутинку сам, а не как окружающие его соседи по стеклянной банке, успешно плетущие сети для других, он внезапно понял, что банка слишком тесна для свободных взмахов крыльями, оставаясь при этом слишком прочной для хрупких крыл, а взгляд вверх, откуда создатель, приоткрыв крышку, словно приглашая к полёту в загадочное застеколье, с любопытством взирал, как кто-то вновь отрастил крылья и вместо того, чтобы грызть себе подобных, сотрясает банку, закружил голову и не оставил другого выбора, кроме как – лететь.

Утро по Крылову

Смыть острый приступ невезения
Раствором из бриллиантов в зелени
И суть забытых времени и споров
В бриллиантовых косых заборах.

Диалог любящих сердец

- Не нравится отношение мира к тебе? Попробуй что-то изменить в себе.
- А я и изменяю, как умею. Только тебя это ещё больше раздражает.

Каждая женщина становится отдельной историей в твоей жизни, которую, при определённом умении слушать, удаётся превратить в сказку про тысячи с одной ночью, а если повезёт с чтением и перечитыванием, то и в роман с десятками тысяч рассветов. А справишься с буднями, то и конец случится сказочный, как жили счастливо и всё закончилось переходом в мир иной за один день.

– Рыбонька, просыпайся! Солнышко, вставай! Что глазищами очумелыми хлопаешь? Разлеглась, как коровище на дороге!

– Ты на что, сукин сын, намекаешь, обидеть хочешь?

– Как на что – местами священное в каждой семье существо, местами кормилица, а в глазищах и умище, и мировая скорбь, все помещается. Просыпайся уже, а то лёгкость утренняя уйдёт вместе с росой, я сказку тебе расскажу.

Каждое очередное перерождение души приближает даже гусеницу чуть ближе к бабочке. Недавно одна знакомая птица рассказала историю про обаятельную, тонкую одинокую гусеницу. Она переползала с ветки на ветку, с дерева на дерево, с цветка на цветок, в поисках самого сладкого сока и самых вкусных листьев. На ее пути попадались то другие гусеницы, то слизняки, то гады ползучие. Многие из них звали ее в свои сады, соблазняя самыми изысканными вкусами.

– О-ля-ля, – повторяла она, – я сама знаю какой лист мне хочется пожевать, – отгоняя гадов и слизней.

И вдруг вспыхнуло яркое солнце, а мы знаем, что многое происходит в самый солнечный день. И гусеничка увидела бабочку, порхающую с цветка на цветок, она показалась ей ожившим цветком. Её лапки как будто оцепенели, такого чувства она никогда ещё не испытывала, но она почувствовала, что уже никогда не сможет оставаться прежней. Она сжалась в маленький серый комочек и с тоской поглядывала по сторонам, есть уже не хотелось, да что там есть, не хотелось жить, и она закрыла глаза.

– О-ля-ля! Проснись! – Гусеничка открыла глаза и увидела перед собой бабочку, обнявшую её крыльями.

– Хочешь, будем летать вместе? – спросила бабочка.

– Я не умею, – хотела сказать гусеничка и вдруг увидела, что у неё есть крылья.

– Летим! – радостно воскликнула она, взмахнув ими.

– Оля! Проснись! Посмотри, какое солнечное утро, давай вместе послушаем пение птиц! Я принёс нам мороженое и кофе! – требовательно звучал сильный мужской голос, и сильные руки крепко сжимали плечи.

– Да, милый, ещё секундочку, – нежно потягиваясь, прошептала она.

– А как ты узнал про мороженое?..

– Я – хочу...

Мир и его радости

Сын божий рёк без тени сожаленья,
Важен урок по бисером плетенью.
– Вы бисер свой поберегите,
И им вокруг напрасно не мечите.
Секрет свой о вилянии хвостом,
Я не оставлю для потомков на потом.
Делился Мир секретом позитива:
– Хвостом смахнуть пыль с негатива,
А есть печалям место и причины,
Их все отмыть настоем от кручины.

– Нельзя, фу, рядом! Как не стыдно?
Поводок обрывается, и Мир делает несколько стремительных кругов и возвращается,
виновато виляя хвостом и с озорным блеском в глазах:
– Я знаю теперь, как не стыдно, только сказать не могу, намордник мешает.

У Мира несколько градаций проявления чувств от радости общения с окружающим его миром.

Он может лениво вильнуть хвостом, повернувшись животинкой к небесам и ко мне для лёгкого почесона, или, улыбнувшись, завалиться на спину, подставив под руку тёплую лохматую пузатину с явственно проглядывающей сквозь белую шубку нежной розовой кожей, усыпанной темными солнечными пятнами.

Он может, подпрыгнув от избытка чувств, обежать вокруг дома, вернуться, лукаво улыбаясь во всю ширь собачьей морды, чтобы получить звонкий чмок в холодный нос и затем пойти отхлебнуть воды, поглядывая из-под лохматой чёлки:

– Ну а вкусненькое мне будет сейчас?

Для Мира пока малодоступно одно из главных умений – овладеть собственным языком. Он бы тогда нам и про хвост свой рассказал, и что его хозяин – сам порядочный прохвост.

И тогда он смог бы стать величайшим сказочным псом, потому что большинство живущих в мире людей не интересуется, почему тебе было плохо, но миллионы готовы отдать всё, чтобы узнать, отчего тебе было так хорошо.

Дюжина

Где проходит мера между много и мало? В ДоСтаТочно? Для тех кто способен сдюжить. Правила определения направления на плоскости, расположенной на спине панциря черепахи из сказок. Следовать очевидным правилам небесных законов. Небесная твердь.

Молочная река в кисельных берегах, чем не Млечный Путь? А путеводная звезда в ручке ковша Малой Медведицы? Когда слегка сдвинешь взгляд чуть левей Большой Медведицы... То можно разглядеть нашу пРародину образующую это созвездие, Сварга, Небесный Крест. Может, поэтому, когда мы глядим на звёздное небо, на нас накатывает лёгкая грусть. Правда, Наш звездолёт по имени Солнце, по-видимому, ещё не скоро вернёт всех своих космонавтов обратно домой к Небесному Ирию, через круги врат. И Не безПокойте уже Бога, своими молитвами.

Мы все соТворцы, если постаРаемся не лениться. Кстати, у плывущих по небесной тверди даже время исчислялось в летах. И астролыбия в руках Ивана-дурака, называющего её луком, время от времени пускающего из неё стрелы в лягушек.

И эта странная привычка считать дюжинами; -), а ведь пальцы загигать было проще. Шаги современной науки. От плоской Земли до плоской вселенной.

Лента Мебиуса тоже плоская с одной стороны. Она говорила ему, свет очей моих, он вторил ей, душа моя. Он видел путь к звёздам и прокладывал его, она ему верила, любовалась новыми открытиями и прибирала в банке паутину. Из журнала одной банки, бортовой номер. И734324294757 из А в Б, лета 31 от сотворения банки... А Чужие, они извечно пытаются отложить свои яйца в твоей банке.

Как отлетают звездолёты? Совсем не так как отбывают с вокзалов поезда, хотя и путь в космос первым прокладывает поезд, подвозящий ракету на стартовый стол.

На шум, производимый поездом, влияет каждый вагончик со свойственным только ему стуком колёсных пар и ложечек в чайных стаканчиках, но это мало влияет на то, куда его тащит локомотив, а затем и локомотив ничего не значит.

Тренировка образного мышления? Есть очень простые приёмы. Например, читать книги вверх ногами или в зеркальном отражении. Сложней научиться переворачивать страницы без помощи рук. Летом в метро можно тренироваться на татуированных розах на чужих плечах, заставляя взглядом их шевелить лепестками.

Толочь воду в ступе с вашей стороны безСмысленно? Кстати, первоначально ступа (санскр. stūpa) – это символ мироздания... а без воды, как пелось в песне про Волгу, и шагу не ступить, а уж писать по ней вилами, так этим таинством владели только настоящие волхвы... Хотя если внимательно приглядеться к храмам, та же сфера, тот же квадрат, те же ступени, то же слабое деревце жизни, тянущееся к свету под солнцем и луной, прорастающее одновременно в трёх Мирах, те же брызги воды... Нет воды, завари чай, но помни, что всё-таки размешивать чай по этикету, пить воду через трубочку придумали недруги человечества! Ведь так приятно закрутить будущий напиток ложечкой в стремительный поток спиралью и любоваться вихрем в стакане и пить потом эту воду, принявшую структуру Вселенной, отхлёбывая из блюдца поверхностной, почти молекулярной плёнкой, самых прочно связанных силой поверхностного натяжения частиц.

Осталось одно, всё наполнить смыслом и прибить очередной щит к вратам Царьграда... Или принять смерть да хоть от кота своего, если нет коня.

Другое дело – коньяк. С количеством звёздочек на этикетке, начинаешь понимать, что ценник на коньяке – не самое главное. Зло охотно использует инструменты добра в своих целях. А добро опасается даже пригрозить кулаком...

Кстати, пригрозить – это крайняя мера, иначе, пустив в ход кулаки на расправу со злом, добро превращается в тыкву... Или заканчивается интернет и тогда целого Мирки мало? Когда неожиданно оказываешься на необитаемом другими острове, понимаешь, что вот сбылась твоя детско-книжная мечта, ты один на своём острове, созданном по твоим мечтам и чертежам, посреди безбрежного океана снега и льда. С исполнением заветных желаний синьор РобИванСон. Можешь сидеть и перечитывать записки из бутылок, выброшенных из океана на твой берег...

«Как вы там, дорогие?» – это, наверно, пишет Пятница...

«Папочка, я тебя люблю!» – так написать может только дочь...

И под поднявшийся с океана ветер проглатываешь комок одиночества застрявший в горле, и встаёшь, и идёшь кормить попугайчиков, щебечущих за окном, и понимаешь, что и целого Мирки – это очень много... И что интернет снова заработал...

Аборигенская шутка

Бумеранг всегда возвращается в голову той руки, что его запустила и только мастерство думать о возможных последствиях позволяет руке перехватить его обратно.

Вороны. Обычно они катаются просто на лапах. Но жизнь меняется. Сегодня видел, как ворона летела и время от времени говорила: «Карр» – и делала при этом в полёте кувырок. Пора нам уже придумывать компьютеры для братьев наших меньших? Может, тогда они смогут объяснить людям, кто на этой планете действительно разумные?

Разумные существа живут, так чтобы не разрушать природу и в единстве с ней, а предки часто рисовали животных с головой, как у человека, или людей с головами животных. А как ещё на плоской картинке образно изобразишь, что у нас с ними почти одинаковые или очень похожие души? И как они дальше из поколения в поколение будут передавать легенды, об очередной волне неразумных на Земле.

Инакомыслящие, иначечувствующие, иной разум. И мы для них совсем Чужие, хотя и живём на одной планете, в одной звёздной системе или Галактике. Другая жизнь без карманов и им неведомы законы Золотого тельца.

В чем вселенский смысл карточного дурака? Красные бубновые с Марса, Чёрные пиковые с Венеры, Чёрные трефы с Сва, Красные Черви с Сириуса...

Древние затеяли на простых картах забавную игру для землян, между хладнокровными, грибообразными, инсектами и теплокровными. Кто и кого победит? Все зависит от расклада и кто будет не подкидной дурак.

А туз и есть АзЪ – самый младший из живущих на Земле, если он не пугается козырных шестёрок, то становится наиглавнейшей из картинок всей колоды, на ступенях восхождения реальностей миров.

Говорят, что колыбели создавали, чтобы младенцы быстрее привыкали к земным перегрузкам и гравитации, и всегда были готовы в космонавты, если им снова повезёт.

Игра в ладушки или угадай в какой руке, здорово помогают детишкам вырасти в людей, которые начинают друг с другом диалог со слов, что ты знаешь, что я хотел тебе сказать?

И самое апокалиптическое из снов, это когда в каменных пещерах у детей, чьи родители ушли на войну, да так и не вернулись, стали тускнеть мониторы от недостатка заряда батарей, то они стали лихорадочно переносить записи на стены пещер, кто как умел, сопровождая сказками, что камни раньше были живые, а кристаллы были жидкие и по ним можно было писать пальцами, да и хоть вилами.

Как умирает плоть? Тело малыми частями рождается и умирает ежесекундно и постоянно, что может вызвать нестерпимую боль души. Наши клетки непрерывно гибнут по глупости, жадности, с равнодушием, ненавистью, смехом, любовью. Иногда эта боль может оказаться смертельной для всех одновременной. А что сказки? Они только помогают регулировать состав смеси и вызывать стремление рождаться заново, чтобы узнать, что и как оно будет дальше.

МыслитеАзГлаголите – и весь секрет МАГи на Земле.

К сведению, южный берег Баренцева – великолепно чистит карму, а побережье Белого освещает ауру. А между обидно и приятно, порой проходит очень тонкая грань пофиг, где с одной стороны бывает приятно, а с другой обидно.

Так и живём, как на лезвии бритвы тонким зеркалом, когда уже становится все равно, кто первым взял камень или палку в руку в зазеркалье или в пред ним. Улыбнись, крошка! Счастье это – состояние, а справедливость – цель. А значение имеет всё, даже если выглядит как полный ноль, пытающийся развернуться в цепочку жизни. А чем жизнь отличается

от нежити? Последняя пытается разорвать спираль жизни, сковывая затем отдельные круги в одну порочную цепь.

И напоследок, из моей инструкции от потерянной машинки времени, что для пребывания в настоящем научись бережно относиться к прошлому и заботиться о будущем. В противном случае прямая дорога в ночные КошМары.

P. S. Кош – община избравших путь по собственной воле.

Мара, маруха, мора – в славянской мифологии злой дух, первоначально, как и Марена, воплощение смерти, мора.

Купание пожилого коня

От работы чахнут кони,
Наши пони – чем не оне?
И откуда силе браться,
Если не ходить купаться?

В этой больничке псих и психиатр,
Цирк, клоун, зритель, выездной театр,
Подследственный и дознаватель,
Сам утопающий и себе спасатель.

Р. S. Лёгкость после купания в студёной воде приходит под бешеные удары сердца. Жать, что это уже мало радует немеющие конечности, все – красные, как у раков после кипячения.

Белый квадрат углём

В ту ночь наша растительная жизнь
От плюсов в минус погрузилась.
– Живых любовных истин откажись?
В иголках льда – виною скрылась...

Пора решительно срезать букеты?
Красот былых безвременных утех,
А может, именно тебя люблю за это?
Белый квадрат углём, мне – краше всех.

Жуан ли дон?
Одну проблему я решил,
С двумя другими согрешив
Тут взять и успокоиться,
Утроив грех всей троицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.